

Слепцова Анна Олеговна

**Феномен талантливой личности: этико-философский
анализ**

09.00.05 –Этика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук,
доцент **Н.В. Жилкина**

Иваново 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1.Феномен творчества талантливой личности: методологические и этико-философские основания.....	12
1.1.Этико-философские и методологические истоки формирования понятия талантливой личности.....	12
1.2.Понятие талантливой личности. Творчество как способ проявления таланта: обоснование и специфика.....	38
Выводы по I главе.....	60
Глава 2.Творчество как условие актуализации талантливой личности: этико-философские аспекты.....	63
2.1.Формирование талантливой личности: идея самореализации и самоактуализации.....	63
2.2. Нравственные доминанты творчества талантливой личности.....	85
Выводы по II главе.....	111
Заключение.....	113
Библиографический список.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На данном этапе развития современного российского общества сформировалась необходимость пересмотра ценностных ориентиров в сфере науки и образования. Сегодня, как никогда ранее, благополучие социума в целом и отдельного индивидуума в частности зависят от уровня развития научного знания.

Общество находится на той стадии, когда без постоянного прогресса в науке, оно не просто окажется на периферии истории, но и может исчезнуть. Вызовы истории, носящие как антропогенный, так и природный характер, выдвигают на первый план социум, сформированный самореализующимися индивидуумами под самих себя.

Индивидуализация всех сфер жизни, гетерогенность во всех сообществах, толерантность в суждениях и инклюзивность образования сформировали социум тотальной конкуренции, где единственным способом существования выступает непрерывный рост информированности. Современный человек вне зависимости от социальных и биологических параметров должен постоянно узнавать что-то новое, так как нет ничего заведомо известного, поскольку сама динамика его бытия подразумевает освоение нового информационного пространства.

Талант в данном контексте безусловное требование современности. Быть самореализующимся сегодня – это значит находиться в постоянном движении к знанию. Весь имеющийся информационный арсенал социума самоутверждающаяся личность должна использовать для преобразования среды под себя. В информационном постиндустриальном обществе чрезвычайно высок престиж активной субъективной рефлексии, каждому правилу грозит пересмотр, каждой ценности – переоценка. Можно утверждать чрезвычайно высокую степень относительности любого достижения, поскольку его автор – человек, право которого на самоосуществление, коим и является достижение, оспаривается равными ему.

Способность к самоосуществлению, недетерминированная условиями среды в современном социуме, стала новой формой естественного отбора. Поэтому, талант, как способность к преобразованию среды вне морального ценза, стал объектом

активной этической рефлексии. Зависимость социума от моральных установок отдельной личности, утверждающей свой взгляд на мир сегодня как никогда сильна. Однако ослабление социального давления на личность и выход субъективности на арену активных действий может поставить под удар само общество.

Поэтому необходим поиск компромисса между самоутверждающейся индивидуальностью и стабильным существованием социума. Целью этической рефлексии высокоодаренного индивидуума становится формирование границ дозволенного. Общечеловеческие гуманистические ценности как единственное неприкасаемое знание должны утвердиться, как в общественном, так и в индивидуальном сознании.

Таким образом, актуальность диссертационного исследования **«Феномен талантливой личности: этико-философский анализ»** базируется на необходимости изучения с позиций этики методологических оснований и механизмов самоактуализации талантливой личности.

Степень разработанности проблемы. Исследования этической специфики талантливой личности в контексте культуры рассматриваются в диссертационном исследовании следующим образом:

1) исследования, в которых рассмотрены методологические проблемы изучаемой темы. В данной группе объединены следующие проблемы: *философским осмыслением взаимосвязи этических и эстетических категорий* занимались Сократ, Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Данте Алигьери, Джованни Пико дела Мирандола, Д. Вазари, Й. Хейзинга; *историческую специфику интерпретации проблемы личности как субъекта деятельности, степень ее детерминированности социальными институтами* исследовали Й. Хейзинга, Р. Барт, Э. Левинас, С. Гринблатт; *в контексте философии истории талантливую личность* рассматривали И. Кант, Г. Гегель, О. Шпенглер, В.И. Вернадский, А. Бергсон, А. Тойнби. Этому вопросу также посвящены работы А.Ф. Лосева, Ф.А. Степуна, А. Флиера.

2) *современные исследования в области этики* представлявших основу для анализа системы категорий, ценностной парадигмы морали: Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, Г. Иррлитц, О.Г. Дробницкий, В.Н. Назаров.

3) *Ценностные проблемы современной культуры* исследовались М. Шелером, А. Швейцером, П. Тейяром де Шарденом, Э. Фроммом, А. Маслоу, К.-О. Апелем, З. Бауманом, К. Лэшем, Ю. Хабермасом, Н. Шварц-Салантом.

4) *Ценностные проблемы и понятия* рассматривались в историко-философских учениях: в античной философии (Сократом, Платоном, Аристотелем, стоиками, эпикурейцами), средневековой философии (А. Августином, К.С. Тертуллианом), философии Возрождения и Нового времени (Н. Кузанским, Дж. Локком, М. Монтенем, Э. Роттердамским, Себастьяном Франком), классической немецкой философии (И. Кантом, И.-Г. Фихте, Л. Фейербахом, К. Марксом), философии XX века (М. Бубером, Ж.-П. Сартром, М. Хайдеггером, П. Тейяром де Шарденом, К. Ясперсом, К. Юнгом, А. Швейцером, Д. Дьюи, З. Фрейдом, Э. Фроммом, М. Шелером Х. Ортега-и-Гассетом), в классической русской философии XIX-XX веков (В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Ф.М. Достоевским, С.Н. Булгаковым, И.А. Ильиным, В.В. Розановым, С.А. Франком, П.В. Флоренским, С.Л. Франком и др.).

5) *В современной отечественной философии проблемы сущности человека* исследовались Г.С. Батищевым, В.В. Библихиным, В.Г. Борзенковым, Б.Т. Григорьяном, В.Д. Губиным, П.С. Гуревичем, В.А. Коневым, К.Н. Любутиным, Б.В. Марковым, Е.Н. Некрасовой, В.Н. Сагатовским и др; *проблема духовности человека* – К.В. Вазиной, Р.Н. Васильевым, Р.А. Зобовым, М.С. Каганом, А.А. Какуриным, В.Н. Келисьевым, В.И. Ксенофонтовым, Э.В. Ильенковым, М.К. Мамардашвили, Р.Л. Лившицем, В.П. Римским и др.

Обзор диссертаций, направление научного поиска которых сходно с логикой данного исследования, представляет несомненный интерес, поскольку позволяет выявить такие основополагающие категории как научная новизна и степень научной разработанности.

Диссертация М.С. Нассонова «Онтологические основания гениальности» посвящена поиску основ, из которых словно «вырастает» гениальность. По мнению М.С. Нассонова, хотя жизнь гения полна противоречий и оторвана от остального мира, гений и злодейство несовместимы: «У зла (антигения) нет души, оно не может быть с истинно человеческим лицом, а гений – это нечто божественное»¹.

В исследовании С.И. Шелонаева «Этика творческой элиты» производится анализ этики творческой элиты, как социальной группы, которая обладает некоторым уникальным социально-значимым ресурсом².

Автор подчеркивает амбивалентность этики творческой элиты, которая заключается в противоречии между гедонистическим эгоизмом творческой самореализации и альтруизмом служения творчеству, духовным совершенствованием и моральными издержками творчества³.

В диссертационном исследовании М.В. Силантьевой «Этика творчества Николая Бердяева» рассматривается специфика этики творчества Н. Бердяева. Автор, исходя из положения, что творчество трактуется Н. Бердяевым предельно широко – как всякая человеческая активность в мире, деятельность человека «здесь и сейчас», утверждает наличие двух видов творчества: этическое и художественное⁴. Если гений, реализующий себя в этическом творчестве, является высоконравственной личностью, то гений художественной сферы, согласно выводам М.В. Силантьевой наделяется Николаем Бердяевым нравственной антиномичностью.

Таким образом, несмотря на то, что этическая рефлексия таланта и его реализации имеет некоторую историю, всестороннее теоретическое осмысление этого явления как философской проблемы осуществлено не было.

Объект исследования – талантливая личность.

---

¹Нассонов, М.С. Онтологические основания гениальности: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук:09.00.01/ Нассонов Михаил Сергеевич. – Пермь, 2009. – С.17.

²Шелонаев, С.И. Этика творческой элиты: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук: 09.00.05 / Шелонаев Сергей Игоревич. – Санкт-Петербург, 2005. – С.7.

³Там же, – С.8.

⁴Силантьева, М.В. Этика творчества Николая Бердяева: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук: 09.00.05 / Силантьева Маргарита Вениаминовна. – Москва, 1993. – С.3.

Предмет исследования – этическая составляющая таланта личности в контексте культуры.

Целью данного диссертационного исследования является анализ этической специфики талантливой личности в контексте культуры.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих **задач**:

- проанализировать процесс становления этического знания о феномене талантливой личности;
- обозначить специфику интерпретаций нравственного аспекта реализации таланта;
- изучить особенности рефлексии талантливой личности в современном этическом дискурсе;
- проанализировать структуру таланта личности и ее социокультурные параметры;
- определить этическую специфику талантливой личности как субъекта социально значимых достижений;
- исследовать механизмы реализации моральной ответственности в научном и художественном творчестве;
- раскрыть сущность этических парадоксов талантливой личности.

Теоретико-методологическая основа исследования. Основу изучения этики талантливой личности в контексте культуры составляют работы в рамках экзистенциально-гуманистической антропологии (Н.А. Бердяев), философии нигилизма (Ф. Ницше), пассионарной теории этногенеза (Л.Н. Гумилев), психолого-кибернетического моделирования (Е. Сеницын, О. Сеницына), психологии творческих способностей (Д.Б. Богоявленская), визионистской теории гениальности (Н.В. Гончаренко), культурфилософии неотомизма (Ж. Маритен), христианской апологетики (В.С. Ольховский), теории многомерности человеческого бытия (М. Эпштейн).

Использовались концепции ученых, занимающихся философией истории, а именно теория ноосферы В.И. Вернадского, диалектическая триада Г. Гегеля, вызов

истории А. Тойнби, творческая эволюция мира А. Бергсона, теория темпераментов И. Канта, концепция культуры А. Флиера, концепция типов человеческого сознания Ф.А. Степуна, концепция А.Ф. Лосева о «беспринципном артистизме».

Методология исследования основана на применении следующих методов: для выявления интеллектуально-эмоциональных компонентов талантливой личности был использован *структурно-аналитический метод*; изучить функциональную нагрузку данных компонентов позволил *структурно-функциональный метод*; *аксиологический метод* был применен для исследования генезиса нравственных ценностей как социальной потребности; базовым в рамках данного исследования является *психоаналитический метод*, позволивший выявить в произведениях искусства сублимированное символическое выражение потребностей личности и социума; *теоретико-методологический метод* использовался при рассмотрении истории изучения темы исследования; на *биографическом методе* основывалась этическая рефлексия «человеческих» параметров талантливой личности; *социальное моделирование* активно использовалось при исследовании талантливой личности как субъекта социально значимых достижений; *компаративный метод* использовался при сопоставлении научного и художественного творчества в аспекте реализации моральных установок и при сравнении механизмов действия личностной нравственности в контексте талантливой личности и среднестатистического индивидуума.

Научная новизна диссертации заключается в том, что произведен целостный этико-философский анализ феномена талантливой личности, в ходе которого было установлено соотношение этических, культурных и психологических факторов формирования и развития таланта в системе социокультурного пространства, определены основные тенденции и механизмы развития, культурный и социальный смыслы феномена талантливой личности.

Теоретическая значимость исследования.

Была создана целостная этико-философская концепция, раскрывающая механизмы осуществления личностной нравственности в контексте реализации

таланта, что обеспечило приращение нового знания по целому ряду гуманитарных дисциплин.

Проведено комплексное исследование истории вопроса. В ракурсе рассмотрения фигурировали труды ученых самой различной гуманитарной направленности, что способствовало созданию полной теоретико-методологической базы.

Практическая значимость исследования.

Материалы исследования могут обогатить содержание дисциплин гуманитарного цикла, а именно, могут быть актуальны для раскрытия таких тематических блоков, как этические проблемы науки, профессиональная и корпоративная этика, проблемы нравственного прогресса в культуре, психология творчества. Работа может быть также использована как методологическая модель философских исследований широкого спектра.

Данное исследование представляет ценность при разработке стратегии преподавания следующих дисциплин: «Этика и эстетика», «Философия науки», «Культурная антропология», «История искусств» и т.д.

Апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на XVI–XVII российских научных конференциях «Державинские чтения» (Тамбов, 2011-2012), международной научной конференции «Философские традиции России и современность» (Тамбов, 2011), международной научной конференции «Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века» (Тамбов, 2012), международной научной конференции «Б.Н. Чичерин и традиции философской и социально-политической мысли в России» (Тамбов, 2013), VII международной научной конференции «Сорокинские чтения. Глобальная социальная турбулентность и Россия» (Москва, 2011), международной научной конференции «Изучение и сохранение культурного наследия» (Нижний Новгород, 2011), IV всероссийском социологическом конгрессе «Социология в системе научного управления обществом» (Москва, 2012), международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных

«Ломоносов-2012» (Москва, 2012), международной научной конференции «Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых «Университет - новой школе» (Шуя, 2015).

Кроме того, результаты данного диссертационного отражены в форме публикаций в различных научных журналах, семь статей опубликованы в журналах, рекомендуемых ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Этико-философские параметры *феномена талантливой личности* детерминированы социокультурным контекстом, в рамках которого определяется и способ *актуализации таланта*.
2. Творчество, являясь способом самоактуализации, посредством *объективации духовного мира* способствует обретению личностью вневременного жизненного пространства. Таким образом, в духовной сфере талантливая личность достигает вершин бессмертия. Это происходит в результате *дуалистического соединения физического и духовного*: осознания конечности физической жизни и понимание уникальности своего творческого опыта как нового творческого воплощения в будущей жизни. Являясь способом преодоления конечности бытия, творчество выражает духовную потребность в *преодолении* жизненного времени.
3. *Этические установки талантливой личности* детерминированы нравственностью не более, чем у среднестатистического индивидуума. Высокая нравственность – это характеристика, которая имманентно не входит в систему интеллектуально-эмоциональных компонентов талантливой личности.
4. Талантливая личность испытывает потребность в самоосуществлении, которая преобразуется в *способность созидать*. Однако преобразование окружающего мира происходит *автономно* по отношению к этическим установкам социума. Талантливая личность соотносит свои идеи и

поступки только с собственным пониманием «должного», совпадение с общественным моральным идеалом не детерминировано волей субъекта.

5. Между наличием таланта и тяготением к *игнорированию норм* в искусстве, науке и общепринятой морали существует взаимосвязь. *Субъективная интерпретация* как основа творческого осмысления, может быть использована талантливой личностью и в нормотворчестве. Для талантливой личности не существует дилеммы: свобода духа или духовность – созидаящая личность ориентирована не столько деструктивным вектором, сколько субъективным пониманием добра при выборе направления деятельности, методов и провозглашаемых ценностей.

Объем и структура диссертации определены логикой изложения материалов исследования и порядком решения его задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА I. «ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА ТАЛАНТЛИВОЙ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ»

1.1. Этико-философские и методологические истоки формирования понятия талантливой личности

Теоретико-методологической базой данного исследования являются результаты анализа и систематизации историографического материала, в основе которого лежат взаимопересекающиеся, комплементарные, имеющие общий методологический фокус теории и методы.

Совокупность этих теорий и методов позволяет создавать исследовательские стратегии, с помощью которых возможна аналитическая работа в режиме методологического синтеза.

Основным постулатом, определяющим направление теоретико-методологического поиска, является гносеологический плюрализм, предполагающий, что всякая научная теория, основанная на анализе и обобщении этической действительности, содержит рациональное зерно и вносит, таким образом, свой вклад в развитие научной мысли. Однако, несмотря на данную методологическую установку, требование концептуального единства предполагает построение оптимальной архитектоники теоретико-методологической базы, что в данном случае означает изложение материала в соответствии со структурой этико-философского знания.

Следует заметить, что, хотя история этической рефлексии различных аспектов человеческого бытия насчитывает несколько тысячелетий, исследование той или иной моральной коллизии осуществлялось с разной интенсивностью. Более того, можно утверждать, что вопрос об этическом аспекте реализации таланта выходил за пределы гносеологических устремлений некоторых исторических периодов.

В частности, этическая рефлексия творца была исключена в этико-религиозных системах Древнего Востока. Эта особенность характерна для всей китайской философии, сущность которой синолог Г. Роземонт свел к «моральной

теории человеческих действий»⁵, и которая была призвана интеллектуально санкционировать систему исконных ритуалов, обрядов и обычаев в качестве необходимого и достаточного регулятора жизни в обществе. Некоторые этические системы, характеризующиеся как авторитарные, полностью исключали такой аспект жизни как творчество. Китайская этика тотальной власти, изложенная в трактате Шанцзюнь шу выдающимся мыслителем Шан Яном, демонстрирует крайнюю степень подавления личностного начала: «Красноречие и ум – пособники смуты; благопристойность и музыка – признаки разврата и распущенности; милость и гуманность – матери проступков; назначение и выдвижение на должности [добродетельных людей] – разносчики порока»⁶.

Не более актуален этический аспект реализации таланта и для индийской философии. Исследователь индийской культуры Х. Бхаттачарья отмечает, что «для этики в Индии было много мировоззренческих «сдерживаний», например, учение адвайта-веданты о нереальности отдельного «я» (которое реально только с «конвенциональной» точки зрения, что для этики не совсем годится), общеиндийское учение о карме, налагавшее серьезные ограничения на свободный выбор индивида в настоящей жизни (отягощенной «долгами» всех предшествовавших), или индийский «теизм», который приносил свободу ограниченного индивида в жертву свободе «неограниченного» Бога»⁷.

Вопрос о моральном аспекте реализации таланта также выходит за пределы этической мысли в контексте мусульманства. Несомненное доминирование религиозного начала в этико-философском наследии мусульманского Востока и, как следствие, рассмотрение человека исключительно как раба Бога, сводит его предназначение к поклонению. Именно в поклонении, включающее в себя все формы взаимодействия человека и Бога, имеет место единственная форма ментальной самореализации или «поклонение знанием». Очевидно, что это обстоятельство обусловило отсутствие самой возможности исследовать

---

⁵ Rosemont H. Notes from the Confucian Perspective: Which Human Acts Are Moral Acts? - N.Y., 1976. - N 1. P. 60-61.

⁶ Книга правителя области Шан (Шанцзюньшу). – М., 1993. С.162.

⁷ Bhattacharyya H. Indian Ethics. // The Cultural Heritage of India. Vol. III. The Philosophies / Ed. H. Bhattacharyya. Calcutta, 1953. P. 620-623.

нравственные качества талантливой личности. Этический аспект реализации таланта не подвергался рефлексии, поскольку в контексте мусульманской культурной традиции, талант изначально подразумевает наличие высоких нравственных принципов, которые и обеспечивают саму способность понимать истину.

Таким образом, скованная религиозной этикой интерпретация таланта как способности приобретения истинных знаний, исключая самостоятельную, созидательную деятельность вне религиозного контекста, вынесла за пределы своих гносеологических устремлений вопрос об этическом аспекте реализации таланта.

Античная культурная традиция в этом вопросе представляется не менее специфичной. В античную эпоху истолкование нравственности было обусловлено классовым характером мировоззрения: «богатство и бедность у греков были не только социальными, но и этическими понятиями в условиях господства аристократии нравственные качества являлись привилегией аристократического меньшинства»⁸.

Что же касается такой категории как творчество, то в некотором смысле оно было отчуждено от личности. В эпоху Античности в качестве изначального субъекта – инициатора – выделялся некий «трансцендентный автор», фигуры «нуса» и «логоса» функционально занимали семантическую позицию субъекта⁹.

«Нус» как безличная концентрация всех актов сознания и мышления и «логос» как всеобщий закон бытия – две категории, выступавшие в античной философской рефлексии субъектами познания и творчества. Поэтому смысл рассмотрения отдельного индивидуума как талантливой личности, творчества как формы ее самореализации не представляли интерес для античных философов. Однако основополагающие категории составляющие феномен творчества были осмыслены более чем подробно.

Философская мысль Античности детально разработала вопрос о соотношении этического и эстетического начал. Эта характерная особенность

---

⁸ Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. – СПб., 1995. – С.10.

⁹ История философии. – М., 2002. – С.987.

античной философии обусловила появление такого понятия как «калокагатия», которое было дефиницируемо русским религиозным философом А.Ф. Лосевым следующим образом: «Это составное этически-эстетическое понятие [калокагатия] – своего рода кентавр. И так же как представление о коне-человеке могло существовать во времена мифологической древности, точно так же и понятие «прекрасно-доброе» могло иметь значение только для эпохи, в которой этическое и эстетическое сознание было, по сути дела, синкретичным, единым»¹⁰.

Если персонифицировать античное представление, то общеизвестно, что Сократ отождествлял прекрасное и полезное: «Искусно украшенный щит, не защищающий воина от врагов, нельзя назвать прекрасным, прекрасен даже неукрашенный щит, хорошо выполняющий свою функцию»¹¹. Другой древнегреческий философ Платон связывает категорию прекрасного с категорией блага, так прекрасное представляет собой непознаваемую в нормальном состоянии сознания идею, неизменную духовную сущность истинного бытия. В этом вопросе Аристотель согласен со своим учителем, он также подчеркивал единство прекрасного и доброго, эстетического и этического.

Ведущий исследователь вопросов этики А.А. Гусейнов отмечает наличие безусловной связи интеллектуального и нравственного начал в сочинениях Аристотеля, так согласно его воззрениям: «Рассудительный человек неизбежно должен быть и совестливым, добрым. Изначальная нацеленность на благо, наличие в человеке некоего внутреннего зрения («ока души»), позволяющего отличать благо от зла, является необходимой предпосылкой успеха рационально взвешивающей, выбирающей деятельности ума»¹².

Таким образом, тезис, который прошел через всю историю античной эстетики, о том, что мир прекрасен и гармоничен, в контексте данного исследования позволяет заключить, что античная философия отрицала возможность существования злого гения.

---

¹⁰Лосев А.Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965. – С. 100.

¹¹Там же, – С.34.

¹²Гусейнов А.А. Античная этика. – М., 2004. – С.393.

Такое понимание категорий прекрасного и доброго как взаимообусловленных категорий перешло в средневековую философию. Несмотря на такие революционные преобразования в миропонимании, как, в частности, утрата человеком в эпоху Средневековья тех многих позиций, которые позволяли говорить об антропоцентризме Античности, касательно рассматриваемого вопроса можно утверждать, что прекрасное было понимаемо как высоконравственное. Как и в эпоху Античности, этические представления носили классовый характер: «Господь повелел простому народу появиться на свет, чтобы трудиться, возделывать землю или торговлей добывать себе надежные средства к жизни; ... аристократия же призвана возвеличивать добродетель и блюсти справедливость – деяниями и нравами прекраснейших лиц сего сословия являя зеркало всем прочим»¹³.

Данная установка является следствием принципа, который был сформулирован Й. Хейзингой следующим образом: «Людям нравилось, когда всё, что относилось к сфере этического, принимало прекрасные формы»¹⁴. Отсюда строгая сословная иерархия тканей и цветов одежды, когда внешнее оформление образа, его эстетическая характеристика символизировала уровень духовного развития, степень нравственного совершенства.

Кроме того, критерии, устанавливающие, что прекрасно и что нравственно, были значительно искажены теологизацией как тотальным фактором, определившим весь облик той эпохи. Все виды искусства были призваны прославить Бога, что порой создавало некоторое противоречие. Можно сказать, что вопрос сводился к специфике того воздействия, которое оказывает предмет религиозного искусства: утверждает ли необходимость религиозной веры или же поражает дарованием автора, принося эстетическое удовольствие.

Проблема соотношения двух функций религиозного искусства в контексте личности описана Августином Блаженным так: «Я колеблюсь между опасностью удовольствия и испытанием пользы... Однако, когда мне случается увлечься

---

¹³Хейзинга Йохан. Осень Средневековья. – М., 2011. – С.103.

¹⁴Там же, С. 96.

пением более, чем предметом песнопения, я со скорбью сознаю свой грех и тогда желал бы лучше не слышать певца»¹⁵.

Помимо религиозной детерминированности функциональной нагрузки искусства, следует заметить, что изначально источником любой преобразовательной деятельности являлся Бог как анонимный творческий Абсолют. Сами творческие способности индивидуума рассматривались как инструмент для достижения объективных внечеловеческих целей, что снимает вопрос о возможной независимости наличия таланта от личностной нравственности. Телеология Средних веков утверждает наличие сверхразумного творца, как единого источника творчества и нравственности.

Таким образом, понимание и ракурс рассмотрения проблемы был детерминирован социокультурными условиями, и вопрос об этическом аспекте реализации таланта был за пределами гносеологических устремлений эпохи.

Следует сказать, что творец как автор, как субъект деятельности в интеллектуальной рефлексии появился значительно позже осмысления этико-эстетических категорий, носящих внеличностный характер. В этом отношении нельзя не согласиться с французским постструктуралистом Р. Бартом: «Фигура автора принадлежит новому времени; по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя (благодаря английскому эмпиризму, французскому рационализму и принципу личной веры, утвержденному Реформацией) достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, «человеческой личности»¹⁶.

Эти же воззрения характерны для американского литературоведа С. Гринблатта: «в начале Нового времени произошла перемена в тех интеллектуальных, социальных, психических и эстетических структурах, которые управляют порождением личности»¹⁷. Таким образом, исследовать этический

---

¹⁵ История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М., 1962. – С. 263.

¹⁶ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384.

¹⁷ Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: От Мора до Шекспира // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35. – С. 34.

аспект реализации таланта целесообразно только с эпохи Возрождения, поскольку относительный характер нравственных представлений до данного исторического периода был практически абсолютно детерминирован социумом.

Эпоха Возрождения, освободив от теоцентризма искусство, придав на практике изображениям святых большее человекоподобие, привела к появлению человека-творца.

Повышение социальной мобильности, в некоторой степени, освободило от строгого наследования вида трудовой деятельности и дало, таким образом, возможность следовать личностным устремлениям. Самореализующаяся талантливая личность эпохи Возрождения уже не медиум между небесным и земным, скованный религиозными канонами, а самоценный человек, который способен в своем искусстве достичь божественных высот. Культивируется талант, понимаемый сам по себе как дар свыше, человек наделяется правом творить наравне с Богом.

Естественно, что подобные изменения в мировоззрении не могли пройти бескровно, попытки церкви удержать свои позиции в социуме обернулись религиозным фанатизмом и мракобесием. Поэтому искусство Возрождения, как бы противопоставляя себя невежеству и религиозным суевериям, характеризуется глубоким гуманистическим пафосом.

Знаменательно появление в XVI веке такого труда как «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» итальянского художника Д. Вазари, в котором была осуществлена попытка осмысления личности как субъекта искусства.

Д. Вазари подробно анализирует не только творческие искания и этапы формирования личности того или иного художника, но и вопросы связанные с его нравственностью. Так Д. Вазари восхищается личностью флорентийского живописца Джованни да Фьезоле: «слава которого никогда не достигала его

заслуг, был в делах и рассуждениях своих человеком смиреннейшим и кротким, а в картинах своих – легким и благочестивым»¹⁸.

Таким образом, можно говорить о появлении опыта этической рефлексии талантливой личности как автономного субъекта, поскольку впервые социокультурные условия позволили сформироваться такому человеческому индивидууму, который способен осознавать свою нравственную автономность по отношению к таким формам социального управления как античный полис или средневековая церковь.

Это обусловило снятие этической детерминированности с творчества. Показательны в этом отношении эпизоды из поэмы Данте Алигьери «Божественная комедия», свидетельствующие о том, что непомерная одержимость жаждой познания и взгляд на творчество как на средство достижения благ, также греховны как зависть, гнев или скупость, так поэт помещает в ад Одиссея «жаждущего познать неведомое», и в чистилище художника, который при жизни гордился своей громкой славой. Эти эпизоды свидетельствуют о том, что Данте Алигьери уверен в отсутствии единого источника творчества и нравственности. Кроме того, через всю поэму проходит мысль о самостоятельности человека, при этом Данте Алигьери отрицает божественную предопределенность, утверждая тем самым свободу воли и абсолютную ответственность человека за все содеянное им.

Продолжая гуманистическую традицию, Джованни Пико дела Мирандола в работе «Речь о достоинстве человека» рассматривает человека как неограниченный ничем творческий импульс на пути прогресса, как единственное существо, которое может достичь божественного совершенства.

Однако согласно философу этот процесс постоянного становления никак не детерминирован моралью, если только человек сознательно не связывает свое развитие с нравственным самосовершенствованием.

Итальянский гуманист утверждает, что Бог не создал человека по своему образу и подобию, а предоставил ему право создавать себя: « ... принял Бог

---

¹⁸ Вазари Д. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. – М., 2008. – С. 310.

человека как творение неопределенного образа и, поставив его в центре мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные»¹⁹.

Джованни Пико дела Мирандола наделяет человека полномочиями творца, главным произведением становится его личность, как сумма поступков и помыслов, которую и следует подвергать этической рефлексии. Талантливая личность, согласно учению итальянского гуманиста, есть уже результат развития, деятельность же ее может иметь негативную моральную оценку, поскольку реализовать способности можно как созидая, так и разрушая.

Очевидно, что проблема свободы в сфере этики самореализации зарождается именно в эпоху Ренессанса. Французский философ Эммануэль Левинас считал, что результатом антропоцентристского устремления культуры Возрождения является появление «жадного и гегемонического Субъекта»²⁰, который верой в абсолютную ценность личности наделил себя правом безудержно разворачивать свои изобретательские возможности. Именно в эпоху Возрождения возникла проблема этического аспекта реализации таланта, когда на первый план была выдвинута самобытность личности и отвергнуты ограничения в сфере ее самореализации.

---

¹⁹ Брагина Л.М., Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. – М., 1977. – С. 225-226.

²⁰ Андреев М.Л. Инновация или реставрация: казус Возрождения // Вестник истории, литературы, искусства. – 2005. – Т. I. – С. 85.

Общеизвестно, что специфика научного мышления Ренессанса испытывает влияние двух факторов: во-первых, ослабление воздействия церкви на личность, во-вторых, секуляризация нравственных ценностей, и, как следствие, появление религиозно-нейтрального гуманизма. Эти факторы, освободив личность, дали возможность анализировать индивидуальные нравственные установки, воплощенные в достижениях науки и произведениях искусства, то есть утвердившаяся ценность индивидуального начала позволила соотнести привносимые им ценности с общечеловеческими.

Эпоха Просвещения знаменует собой ключевой этап в развитии научного знания в целом и этики в частности. XVII век является по преимуществу веком рационалистической этики, которая исходит из убеждения, что только человеческий разум может стать источником и основой нравственного порядка.

Когда гуманистическую восторженность Возрождения сменил критический рационализм Просвещения, произошла специфическая эпистемологическая мутация, одна научная формации была замещена другой. Используя понятийный аппарат постструктурализма, можно сказать, что «количественное нарастание новых научно мировоззренческих представлений и понятий приводит к «эпистемологическому разрыву» в едином потоке исторического времени»²¹.

В философском наследии «эпистемологический разрыв» проявился в появлении концепций, радикальным образом пересматривающих место человека в мире. В частности нравственность, трактуемая в предыдущие столетия как абсолютная ценность, необходимая человеку, в эпоху Просвещения становится относительной ценностью и носит глубоко утилитаристский характер. Показательным в этом отношении является этическое наследие Т. Гоббса, которое низвергло человеческую индивидуальность с позиции создателя нравственных ценностей. Согласно, Т. Гоббсу, мораль есть производное от государства, которое представляется могущественным «Левиафаном» по сравнению с ограниченностью единичных человеческих возможностей. Естественное состояние человеческого взаимодействия, по Т. Гоббсу, это война всех против

---

²¹ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – С.54.

всех, заключенная в приемлемые формы состязательности в рамках государственных законов.

Таким образом, мораль, по Т. Гоббсу, насаждается государством для укрощения «спонтанных и эгоистических устремлений естественного человека, она направлена на обеспечение мира и стабильности в отношениях между людьми»²².

Касательно этической рефлексии такой категории как «талант», то в интерпретации этого философа-материалиста наличие выдающихся способностей не является чем-то, что требует осмысления.

Тема любой социально значимой деятельности укладывается у Т. Гоббса в его концепции доминирующих мотивов в поведении людей. Согласно, Т. Гоббсу, каждый человек стремится к счастью, которое «состоит в непрерывном движении желания от одного объекта к другому, так что достижение предыдущего объекта является лишь шагом к достижению последующего»²³. Одним из таких универсальных объектов, который желаем всеми без исключения, является власть: «причиной этого не всегда является надежда человека на более интенсивное наслаждение, чем уже достигнутое им, или невозможность для него удовлетвориться умеренной властью; такой причиной бывает и невозможность обеспечить ту власть и те средства к благополучной жизни, которыми человек обладает в данную минуту, без обретения большей власти. Этим объясняется, что короли, власть которых является величайшей, обращают свои усилия на обеспечение последней: внутри – путем законов, вовне – путем войн. А когда это достигнуто, тогда возникает новое желание: у одних – желание достичь славы путем новых завоеваний; у других – желание покоя и чувственных наслаждений; у третьих – желание - быть предметом поклонения или лести за превосходство в каком-нибудь искусстве или за другой талант»²⁴.

---

²² Филиппов, А.Ф. актуальность философии Гоббса / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2009. – №3. – С.104.

²³ Гоббс Т. Сочинения: В 2-х томах. – Т. II. – М., 1991. – С.74.

²⁴ Там же, – С.75.

Т. Гоббс, таким образом, понимает талант как склонность, которая детерминирует направление поиска для следующего объекта желания. По словам исследователя этики А.А. Гусейнова: «Гоббс не может не видеть индивидуальных различий как физических, так и умственных; однако в общей массе эти различия не настолько значительны, чтобы нельзя было в принципе говорить о равенстве людей»²⁵.

Косвенным свидетельством того, что талант, по мнению Т. Гоббса, не гарантирует следование высоким нравственным принципам, являются его рассуждения о желании прославиться даже после смерти. В частности Т. Гоббс пишет: «И хотя после смерти нет ощущения хвалы, воздаваемой нам на земле, ибо эти радости или поглощаются неизреченными радостями рая, или гаснут в страшных муках ада, тем не менее, такая слава не тщетна, ибо люди испытывают удовольствие в настоящем от предвидения этой славы и от ее благодетельных последствий для их потомства»²⁶. Очевидно, что теоретик атеизма, использовал метафору, говоря об аде или рае, но, тем не менее, понятно, что Т. Гоббс не исключает для прославленных на земле мук ада, если бы верил в существование такового.

Нравственные ценности в этическом учении Т. Гоббса носят субъективный характер, так говоря о «непостоянных именах» философ утверждает, что предвзятость мнений нивелирует целесообразность интеллектуальной рефлексии: «Таковы, например, имена добродетелей и пороков, ибо то, что один человек называет мудростью, другой называет страхом, что один называет жестокостью, а другой – справедливостью; один – мотовством, а другой – великодушием; один – серьезностью, а другой – тупостью и т.п. Вот почему такие имена никогда не могут быть истинными основаниями для какого-нибудь умозаключения»²⁷.

В целом можно утверждать, что механистическая антропология Т. Гоббса формирует новый идеал человека – эволюционировавший благодаря Левиафану

---

²⁵ Филиппов, А.Ф. Актуальность философии Гоббса / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2009. – №3. – С.107.

²⁶ Гоббс Т. Сочинения: В 2-х томах. – Т. II. – М., 1991. – С.76.

²⁷ Там же, – С.30.

разумный эгоист, ценность нравственных установок которого зависит от того, насколько они соотносятся с законами государства.

Касательно темы исследования следует заметить, что по Т. Гоббсу, моральный облик талантливой личности детерминирован ее социобиологической сущностью, как неотъемлемой характеристикой любого человека, поскольку любые выдающиеся способности не преодолевают ограничений вида *Homo sapiens*.

Говоря об исторической специфике философских воззрений Т. Гоббса, следует отметить их характерность для данного периода, поскольку в них нашли отражение радикальные перемены в области политики, экономики, идеологии и культуры.

Философское наследие Просвещения отразило все противоречия эпохи, этическая рефлексия культа разума вызвала к жизни антисциентистскую концепцию Ж.-Ж. Руссо.

Воззрения французского мыслителя, антагонистичны по отношению к философии Т. Гоббса в вопросах морали и ее источника и поэтому представляются актуальными для данного исследования.

В своем знаменитом «Рассуждении о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо исследует на историческом материале корреляцию между просвещенностью и уровнем нравственности. По мнению Ж.-Ж. Руссо «Науки, Литература и Искусства – менеедеспотичные, но, быть может, более могущественные [по сравнению с Правительством и Законами] – обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, заглушают в них естественное чувство свободы, для которой они, казалось бы, рождены, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы»²⁸.

Ж.-Ж. Руссо вменяет в вину науке и искусству, прежде всего, лицемерие и утверждает, что чем просвещеннее человек, тем больше у него внешнего лоска и тем меньше необходимости в настоящей нравственности. Таким образом, по Ж.-

---

²⁸Руссо Ж.-Ж. Трактаты.– М., 1969. – С.12.

Ж. Руссо, на протяжении всей истории человечества действовала корреляция: чем прекраснее форма, тем дальше содержание от понятия прекрасного.

Философ отмечает, что «По мере того как они озаряют наш небосклон [успехи наук и искусства], исчезает добродетель, и это явление наблюдается во все времена и во всех странах»²⁹. Отсюда Ж.-Ж. Руссо делает вывод о противоестественности просвещения: «Народы! Знайте, раз навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие»³⁰.

Прогресс науки в технической сфере также косвенным образом негативно сказался на морали. Изобретение книгопечатания сделало так, что «опасные заблуждения Гоббсов»³¹ сохраняются навсегда. Сделав нарицательным имя Т. Гоббса Ж.-Ж. Руссо вполне однозначно выразил свое отношение к его философским воззрениям. Бесспорен тот факт, что взгляды Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо на моральную природу человека радикальным образом расходятся, поскольку естественный человек, по Т. Гоббсу, это – вероломный, эгоистичный варвар, а по Ж.-Ж. Руссо – неразвращенный благами цивилизации добросердечный невежда.

Но, следует заметить, что оба философа под человеком понимают, прежде всего, объект воздействия, и нравственность личности в некоторой степени не зависит от нее. Также мыслители в соответствии с традицией Просвещения абсолютизируют примат гражданского сознания над индивидуальным, человек, таким образом, определяем внешними связями. Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо убеждены, что государство как совокупность личностных нравственных принципов определяет моральный облик каждого индивидуума.

В целом можно сказать, что, несмотря на взаимоисключающие суждения, сам предмет рассмотрения, его восприятие как объекта, обнаруживают общность подходов к изучению. Наличие в суждениях личности, которую либо воспитывает рационалистический Левиафан, либо развращают Науки и Искусства, доказывает,

---

²⁹Руссо Ж.-Ж. Трактаты.– М., 1969. – С.12.

³⁰Там же, – С.19.

³¹Там же, – С.26.

что оба философа принадлежат к особой системе понимания, имеющей свои четкие границы, в пространстве которой не может быть гносеологического устремления, выходящего за них.

Таким образом, можно утверждать, что в пределах рассмотренных этико-философских систем, вопрос об этическом аспекте реализации таланта как направление научного поиска не нашел систематизированного и целостного ответа.

Обособленное рассмотрение рефлексии этического аспекта реализации таланта с XIX века вплоть до наших дней объясняется особой гносеологической спецификой данного периода, так как гуманитарные науки стали располагать необходимым багажом связей личности с окружающей средой для результативной рефлексии.

В то же время наблюдается расщепление эпистемологического поля, которое проявляется не только в прогрессирующем дифференцировании наук, но и в поливариантности фундаментальных установок внутри каждой. В контексте данного исследования эта специфика проявляется в невозможности найти некий общий момент рассуждения философов XIX-XX веков, нет исторической специфики, которая довлела над учеными в предыдущие эпохи.

Таким образом, исследуя специфику изучения талантливой личности в этическом дискурсе, можно выявить такое разнообразие трактований и подходов, что можно утверждать: их принципиальная взаимоисключаемость является единственным объединяющим моментом.

Поэтому, в связи с увеличивающейся мировоззренческой дифференциацией социума изучение этики творческой личности приобретает форму субъективной трактовки в рамках личностного восприятия мира.

Ф. Ницше, философ, из воззрений которого берет свое начало экзистенциализм, выдвигает концепцию, которая базируется на «антихристианских» ценностях, что является особой приметой времени – дивергенция основополагающих этических ориентиров.

При анализе воззрений Ф. Ницше на этический аспект реализации таланта, необходимо, прежде всего, рассмотреть переоценку христианского этического наследия. Именно в принятии христианской этики философ видит причину всех бед современного мира. Христианские ценности, по Ф. Ницше, носят нигилистический, противоестественный характер. Главной добродетелью христианство признает сострадание, которое философ рассматривает как самое худшее душевное устремление, отрицающее саму жизнь. «Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон отбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встает на защиту в пользу обездоленных и осужденных жизнью, поддерживая в жизни неудачное всякого рода...»³². Видя в христианской этике искусственно насажденные человеку моральные принципы, обращенные к больным и обездоленным, Ф. Ницше утверждает необходимость создания новой этики, направленной на утверждение свободы, силы и гордости. «Христианская вера есть с самого начала жертвоприношение: принесение в жертву всей свободы, всей гордости, всей самоуверенности духа и в то же время отдавание самого себя в рабство, самопоношение, самокалечение»³³. Творчество новой этики есть основа творческого самоизъявления личности. Осмысление и переоценка традиционных ценностей, которые «почти с колыбели дают уже нам в наследство», есть главное приложение творческих способностей личности³⁴.

Таким образом, смысл анализа воззрений Ф. Ницше заключается в освещении философской концепции, суть которой – имморализм творчества и творчество имморализма. Другими словами, вся созидательная сила личности должна быть направлена на творчество новой этики, которая антагонистична существующей. Поэтому в контексте заявленной темы следует заключить, что, по Ф. Ницше, этическая составляющая таланта личности носит враждебный характер к существующей этической системе, так как именно она есть объект преобразования.

---

³²Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2, – М., 1996. – С.719.

³³Там же, – С.271.

³⁴Там же, – С.134.

Другая концепция, которая содержит в себе подробный ответ на вопрос о совместимости таланта и несовершенстве личностных нравственных убеждений принадлежит ученому, чьи интересы находятся на стыке истории, этнологии и психологии.

В рамках данного исследования интерес представляет пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева. Историк-этнолог Л.Н. Гумилев не занимался изучением этической составляющей таланта, но теория этногенеза, основанная на доказательстве того, что пассионарность есть решающий фактор этногенеза, включает в себя рассмотрение творчества как проявления пассионарности. Анализ этической составляющей такого явления как пассионарность обусловил актуальность работы Л.Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли».

Самое общее определение пассионарности, по Л.Н. Гумилеву, сформулировано следующим образом: пассионарность – это потребность в преобразовании окружающей среды. И если творчество «бунт осуществляющегося, становящегося человека против во всякий момент осуществленной, ставшей природно-социальной человекообразности доступных фрагментов Мира, против собственной безальтернативной вписанности в наличные условия всецело детерминированного механического существования, против окруженности всем состоявшимся», то можно говорить о том, что творчество есть частный случай пассионарности³⁵.

В подтверждение сказанного можно привести слова Л.Н. Гумилева о соотношении таких понятий, как «творчество» и «пассионарность»: «Творческое сгорание Гоголя и Достоевского, добровольный аскетизм Ньютона, надломы Врубеля и Мусоргского – это тоже примеры проявления пассионарности, ибо подвиг науки или искусства требует жертвенности»³⁶.

Таким образом, соотношение понятий «творчество» и «пассионарность» можно выразить так: все творцы – пассионарии, но не все пассионарии творцы. Поэтому представляется возможным рассмотреть этическую составляющую

---

³⁵Беляев И.А. Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека//Вестник ОГУ. – 2010. – №10. – С.58.

³⁶Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990. – С.291.

пассионарности, как категории включающей творчество. По Л.Н. Гумилеву, пассионарный импульс, как поведенческая доминанта, лежит в основе всей альтруистической этики, где интересы коллектива доминируют над личностными. Интересы коллектива могут быть неверно понятыми, но их превалирование над жаждой жизни и заботой о собственном потомстве бесспорно. По Л.Н. Гумилеву, пассионарность есть атрибут подсознания, «важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности»³⁷.

Различают степени пассионарности, и, соответственно, чем выше эта степень, тем субъект менее способен рассчитать последствия своих поступков. Так как, по Л.Н. Гумилеву, нравственность – это особая форма сознания, а пассионарный импульс находится вне контроля сознания, этическая основа пассионарности отсутствует – «пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию»³⁸.

Степень пассионарности иногда столь велика, что нивелирует инстинкт самосохранения и уважение к законам, которое воспитывается культурой и обычаем. Поэтому можно утверждать, что в рамках пассионарной теории этногенеза Л.Н. Гумилева этическая составляющая таланта, как частного случая пассионарности, зависит от того, насколько силен пассионарный импульс.

Актуальным для раскрытия темы представляется анализ работы «Ответственность художника» французского философа Ж. Маритена. Ж. Маритен с позиций неотомизма осмысляет предназначение человека, видя его в реализации таланта через творчество. Художник или поэт есть личность, полностью достигшая потенциально возможного развития, наиболее полно воплотившая идею Бога. В подтверждение своей идеи Ж. Маритен приводит слова писателя Л. Блуа: «Я мог бы стать святым, чудотворцем. Но я стал литератором»³⁹.

---

³⁷Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990. – С.266.

³⁸Там же, – С.261.

³⁹Маритен Ж. Ответственность художника. – М., 1991. – С. 6.

Таким образом, творчество само по себе есть богоугодное дело, но сосуществование этического и эстетического в масштабе одной личности детерминировано не только тождеством блага и творчества – имеет место сочетание таланта и безнравственности, анализу этой проблемы посвящены дальнейшие рассуждения философа.

Ж. Маритен, исследуя представления об этической составляющей таланта в философском наследии античности, приходит к умозаключению о допущении разделения этических и эстетических ценностей в рамках конкретной талантливой личности – «краснодеревщик или ювелир создает отличные вещи, несущественно, что он сварлив или замечен в дурном поведении»⁴⁰. Ж. Маритен обнаруживает тождество суждений в этом вопросе античных философов и средневековых теологов, ссылаясь на слова Фомы Аквинского: «Благо, отыскиваемое искусством, не есть благо человеческой воли или пожелательной способности (собственно благо человека), но благо самих вещей, сделанных или продуцированных искусством. По этой причине искусство не предполагает правильности пожелания»⁴¹.

Свои представления о соотношении этического и эстетического начал Ж. Маритен выводит из сентенции «домен Искусства и домен Морали образуют два автономных мира, но внутри того же человеческого субстрата»⁴². Поэтому, в область этического осмысления попадает такая характеристика талантливой личности как изошренность ума. Ж. Маритен выводит из этой характеристики орудия творческой интуиции, которые образуют «необходимый арсенал расчетливости, хитрости и лукавства».⁴³ Доказывая наличие этого арсенала, философ приводит слова Э. Дега: «Картина – это вещь, требующая не меньше козней, плутней и порочности, чем совершение преступления».⁴⁴ Искусство, по мнению Ж. Маритена, «эгоистично», прежде всего, именно к своему творцу,

---

⁴⁰Маритен Ж. Ответственность художника. – М., 1991. – С. 6.

⁴¹Культурология. – М., 2001. – С.389.

⁴²Маритен Ж. Ответственность художника. – М., 1991. – С.2.

⁴³Там же, – С. 3.

⁴⁴Там же.

поэтому «грехи человека могут послужить сюжетом или материалом для произведения искусства»⁴⁵.

Касаясь вопроса о сущности этического начала, Ж. Маритен приходит к заключению, что любое моральное обязательство есть результат принуждения, которое интеллект оказывает на волю. Каждая личность обладает безоговорочным положительным самовосприятием, так как человек не может желать быть дурным, не хочет творить зло, поскольку это зло. Помимо общего для всех положительного самовосприятия, Ж. Маритен в контексте личности-творца вводит понятие «художнической совести». «Художническая совесть» в данном случае означает такое понимание этической и эстетической истины, добровольный отказ от которого невозможен. Поскольку «художническая совесть» есть продукт развития личности творца, игнорировать ее он не может, «художник не может желать быть дурным как художник, его «художническая совесть» обязывает его не согрешать против своего искусства»⁴⁶. В случае отказа от своих убеждений не только «художническая совесть», но и моральная оказывается задетой, так как, по Ж. Маритену, «художническая совесть» есть разновидность совести вообще. Исходя из этого утверждения, философ выстраивает критику принципа идеалистической эстетики «Искусство для Искусства» – «Искусство для Искусства» означает некоторую нелепость: мнимую необходимость для художника быть только художником, не человеком»⁴⁷.

Таким образом, по Ж. Маритену, любая творческая личность, прежде всего, человеческая личность со своей этикой. «Художническая совесть» есть результат наложения ценностей эстетики на этические ценности в контексте личности, доминанта мировоззрения человека, сложность структуры которой прямо пропорциональна степени таланта. Ж. Маритен допускает творчество зла, однако, так называемая «художническая совесть», является тем регулятором, который в глазах данной личности не позволяет ей стать творцом дурного. То есть

---

⁴⁵Маритен Ж. Ответственность художника. – М., 1991. – С. 3.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Там же.

объективно произведение искусства может нести отрицательный этический смысл, но субъективно – всегда только положительный.

Особенностью рассмотренных интерпретаций заявленной проблемы является в некоторой степени ее побочность по отношению к общей системе взглядов авторов. Концепция талантливой личности в современном этическом дискурсе является следствием из основоположений, которые составляют более общие философские системы: этическая рефлексия и критика доминирующих нравственных ценностей Ф. Ницше, пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилева, интегральный гуманизм Ж. Маритена.

Исследования, предметом которых были некоторые аспекты темы талантливой личности в современном этическом дискурсе, появляются только на современном этапе развития гуманитарного знания. Так, в контексте темы значительный интерес представляет книга Е. Сеницына и О. Сеницыной «Тайна творчества гениев», посвященная анализу феномена гениальности. Инструментом исследования творчества становится метод структурно-осевой психологии. Принцип этого метода заключается в условном отождествлении физического и психического пространства. Учитывая, что, по Декарту, физический мир заключен в трехмерной системе координат, Е. Сеницын и О. Сеницына использовали декартову систему координат для построения психической системы личности, преодолев кажущееся противоречие о невозможности точно измерять психические характеристики человека.

Метод структурно-осевой психологии становится актуальным для данного исследования, когда при описании психической системы личности Е. Сеницын и О. Сеницына анализируют нравственные начала гения, как высшей степени проявления таланта. Выявляя поразительное сходство процессов, протекающих в психике одержимого жаждой творчества и попавшего в плен разрушительных страстей человека, Е. Сеницын и О. Сеницына приходят к выводу, что «и у

созидающего гения, и у деструктивного в своей одержимости фанатика в сознании бушуют эти поддерживающие огонь страсти психические процессы»⁴⁸.

Но, несмотря на сходство психических характеристик, авторы противопоставляют созидателей гениев и одержимых фанатиков, видя в их противостоянии борьбу добра и зла, – «как только в мире появляются вдохновленные одержимостью гении, тотчас же наперерез им бросаются одержимые фанатики. И снова мир полон борьбы этих двух стихий – жажды созидания и жажды разрушения»⁴⁹. Можно сказать, что, таким образом, ученые дают отрицательный ответ на риторический вопрос А.С. Пушкина о совместимости гениальности и злодейства. «Эти сущности бытия [сострадание и совесть] всегда существуют в своем неповторимом единстве в даре гения»⁵⁰.

Высоконравственная личность есть имманентная составляющая гения, согласно концепции Е. Сеницына и О. Сеницыной. Но это не значит, что нравственные коллизии не знакомы гению, наоборот, вся внутренняя жизнь гения есть поиск и нахождение такого пути, который бы соответствовал представлениям о высоких моральных принципах. «Эта борьба не минует никого и не зависит от меры таланта», но только того, кто всегда выбирает нравственный путь, согласно Е. Сеницыну и О. Сеницыной, можно назвать гением.

К концепциям, которые явились результатом теологического подхода, относится система взглядов М. Эпштейна.

Российский философ, доказав фактическим материалом, что «между художественным даром и моральными обязательствами его обладателя нет никакой прямой зависимости»⁵¹, задается целью узнать почему «высшими дарованиями наделяются люди дурные, ничтожные, злонравные, во всяком случае, лишённые тех добродетелей, которые украшают многих других, творчески не даровитых»?⁵² И более того, М. Эпштейн выявляет прямую

---

⁴⁸Сеницын Е., Сеницына О. Тайна творчества гениев. – Новосибирск, 2004. –С.110.

⁴⁹Там же, – С.110.

⁵⁰Там же, – С. 117.

⁵¹Эпштейн, М. Совместимы ли гений и добродетель? [Электронный ресурс] //Русский журнал. 2014. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/11e.html> (дата обращения: 15.05.2014).

⁵²Там же.

зависимость между наличием таланта и аморализмом, так, по его мнению, стоит «говорить о неместимости разных достоинств в оболочку одного смертного существа»⁵³.

Для исследования данного феномена М. Эпштейн обращается к его специфическому религиозному истолкованию, утверждая наличие в нем сокровенного смысла.

По мнению философа в мире существует двойная несправедливость: муки безгрешных и величие грешников, и эти два явления, по М. Эпштейну, взаимообусловлены: «Человеческое страдание – как семя, которое, падая и умирая в земле, приносит невидимый плод в иных мирах. И человеческий дар – тоже семя, принесенное из иных миров, чтобы оно могло возрасти на этой земле»⁵⁴.

М. Эпштейн утверждает многомерность человеческого бытия: «даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных»⁵⁵. Это позволяет М. Эпштейну заключить, что незаслуженно страдающий в поустороннем мире, в потустороннем – безнравственный гений, а безнравственный гений здесь – великий страдалец в иных мирах.

Таким образом, М. Эпштейн ограничивает в правах рациональную человеческую рефлексию этической стороны таланта: «сущности вещей нельзя постичь на земле»⁵⁶, однако утверждает наличие некой Высшей Гармонии, которая уравнивает все мысли и деяния в сверхчеловеческом масштабе.

В рамках данного исследования интерес представляют материалы конференции религиозной направленности «Христианство-2000». Д.Б. Богоявленская в статье «Творчество и нравственность» анализирует творческую мотивацию с позиций этики. Философ задается вопросом насколько нравственно побуждение, которое двигало ученым в его открытии. Признавая

---

⁵³Эпштейн, М. Совместимы ли гений и добродетель? [Электронный ресурс] //Русский журнал. 2014. №1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/11e.html> (дата обращения: 15.05.2014).

⁵⁴Там же.

⁵⁵Там же.

⁵⁶Там же.

мотивационную ценность таких категорий как престиж, тщеславие, Д.Б. Богоявленская утверждает, что их влияние может быть ограничено характеристиками личности субъекта.⁵⁷

Если творческая деятельность имеет своей целью достижение конкретного результата и творческая активность субъекта прекращается с момента его достижения, то в этом случае можно говорить о творчестве как о средстве достижения целей, связанных с внешним самоутверждением, вне зависимости от уровня созданного. Если же с достижением результата процесс созидания не прекращается, то следует говорить о творчестве как самоцели.

В доказательство необходимости наличия именно субъективной ценности творчества, Д.Б. Богоявленская приводит факт того, что при высочайших умственных способностях после достижения определенного результата деятельности творческая активность не наблюдается. В данном случае творчество было лишь средством, к которому, после достижения результата, был потерян интерес.

Таким образом, по Д.Б. Богоявленской, степень актуальности творчества как такового, его субъективная ценность – есть показатель его нравственной составляющей. Когда субъект творчества не прельщаем славой, и процесс созидания приносит ему радость, даже вне зависимости от объективной ценности результата, только тогда мотивация к творчеству носит нравственный характер.

Монографию Н.В. Гончаренко «Гений в искусстве и науке» целесообразно использовать как историографический базис при изучении какого-либо аспекта такой смысловой категории как феномен гениальности. Гениальность трактуется Н.В. Гончаренко как реализация потребности утвердить свое видение мира. Н.В. Гончаренко не ставит целью анализ этической составляющей таланта личности, ученый занимается оценкой человеческих качеств гениев в целом и приходит к выводу, что «все человеческое им не чуждо». Что касается рассмотрения с этических позиций именно творчества, то здесь главным критерием, по Н.В. Гончаренко, является соответствие направления творчества

---

⁵⁷ Богоявленская Д.Б. Творчество и нравственность/ Мат-лы конф. «Христианство-2000». – С. 201

глобальной потребности современности, которая заключается в необходимости нивелировать диспропорцию между техническим и духовным уровнем развития современного общества.

Н.В. Гончаренко отдает приоритетную роль в развитии культуры именно гениальным личностям, индивидуумам. Гении, по Н.В. Гончаренко, генераторы идей, осуществление которых дело общества. Соответственно, на гениях как на творцах современного бытия, лежит и вся ответственность.

Анализируя современный уровень развития техники, Н.В. Гончаренко обнаруживает жестокую двойственность технического прогресса – «ход истории пока идет таким образом, что запрещение производства оружия одного вида освобождает простор для изобретения другого, более смертоносного»⁵⁸. Поэтому, установление контроля разума над научно-техническим развитием, по Н.В. Гончаренко, долг самих ученых. Ход истории всегда определяли гении, но произошло наращение технической, материальной мощи в ущерб гуманистическому, духовному усовершенствованию. Прогнозирование последствий технического развития, соразмерность средств и целей, влияние техносферы на духовную сущность человека – вот сферы, требующие осмысления в научном и в некоторой степени художественном творчестве современных гениев.

Н.В. Гончаренко утверждает, что нравственно только творчество, направленное на преодоления диспропорции между техническим и духовным уровнем развития современного общества, – «гений, который забудет о том, что он человек, что существует человечество, и, закрыв глаза и уши, будет упорно совершенствовать только машины для машин, технику во имя техники, а не во имя блага человека, не нужен людям»⁵⁹. Н.В. Гончаренко указывает на необходимость сочетания в научном и художественном творчестве гениев таких категорий этики как совесть, разум и ответственность как неотъемлемого условия для развития человеческого общества.

---

⁵⁸ Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. – М., 1991. – С.409.

⁵⁹ Там же, – С.407.

При анализе методологии исследования этического аспекта реализации таланта, следует обратить внимание на статью философа В.С. Ольховского «Свобода научных исследований и ответственность ученого. Академическая свобода и нравственный выбор». В.С. Ольховский анализирует этическую составляющую таланта, реализующегося в области научного творчества, видя коллизию в том, что ученый должен балансировать между автономией научного познания и нравственной ответственностью.

Признанный апологет христианства В.С. Ольховский утверждает, что «свобода выбора фактически ограничена осознанием работниками науки моральной ответственности перед людьми и перед Богом за свой выбор»⁶⁰. Кроме того, В.С. Ольховский выявляет объективный фактор, определяющий выбор направления и задачи научной деятельности: ученый не может абстрагироваться от современных ему реалий, прежде всего потому, что он человек. Еще один фактор, в некоторой степени снимающий ответственность с деятеля науки, это предопределенность развития науки, прямая зависимость от предыдущей фазы развития, – «теория относительности рано или поздно была бы создана и без Эйнштейна»⁶¹.

В.С. Ольховский выделяет две научные сферы по принципу возможной детерминированности научной деятельности мировоззрением ученого. Научная деятельность в сфере точных наук, естествознания, гуманитарных и социальных наук (история, экономика и др.), по мнению В.С. Ольховского, не связана непосредственно с личным мировоззрением исследователя, и не зависит от его этических установок. Гуманитарные духовные науки, к которым В.С. Ольховский относит психологию, этику, эстетику и философию, существенно связаны с мировоззрением ученого. Ученый, работая в этих сферах, несет моральную ответственность, так как его деятельность носит субъективный характер.

---

⁶⁰ Ольховский В.С. Свобода научных исследований и ответственность учёного. – 2001. – С.272.

⁶¹ Там же.

Следовательно, творчество как воплощение таланта в области так называемых гуманитарных духовных наук в наибольшей степени зависит от его этической составляющей.

Обзор теоретического осмысления заявленной темы демонстрирует, что этический аспект реализации таланта присутствует в работах философов, принадлежащих к разным направлениям, следствием чего является подход к вопросу с разных ценностных позиций. Поэтому, отсутствует преемственность в исследовании этого вопроса, а результат детерминирован контекстом философского направления.

Значительное количество источников не вошло в обзор в силу того, что тема исследования в них затрагивалась косвенно или же акцент был смещен в сторону этического аспекта в сфере достижений современной науки, а внутренним механизмам сосуществования таланта с этическими принципами в масштабе одной личности не уделялось внимания. Поэтому, можно говорить о недостаточном исследовании данной темы, что подтверждает ее актуальность.

1.2. Понятие талантливой личности. Творчество как способ проявления таланта: обоснование и специфика.

При выявлении сущности и компонентов талантливой личности целесообразно сформулировать универсальное определение самого понятия «талант».

В философском преломлении, с учетом специфики данной дисциплины, «талант» следует понимать как определенный уровень развития личности, который позволяет ей быть активным субъектом культурогенеза. Соответственно, чем талантливее личность, тем активнее ее участие в творческом генерировании культурных ценностей.

Следует заметить, что, несмотря на частое использование слова «талант» в текстах научной направленности, это не научное понятие, так как не существует ни методов его диагностики, ни четких критериев и признаков. О наличии таланта

судят только по продуктам деятельности, поэтому сущность таланта заключается в его социальной значимости, в наличии такого уровня развития личности, который позволяет ей иметь такие достижения, которые имеют объективную культурную ценность. Эта характеристика и является в данном исследовании тем критерием, с помощью которого определяется наличие или отсутствие таланта.

Несмотря на трудности при выявлении таланта, можно выделить присущие ему конкретные интеллектуально-эмоциональные компоненты: интеллект, фантазия, смелость, воля и, как следствие наличия таланта, отсутствие стереотипного мышления, то есть серендипность.

В философии термин «интеллект» определяется как «общий умственный потенциал человека»⁶². Это базовый интеллектуально-эмоциональный компонент талантливой личности.

Для описания роли интеллекта в реализации таланта целесообразно использовать теорию интеллектуальных стилей американского психолога Р. Стернберга. Интеллектуальный стиль, по Р. Стернбергу, представляет собой индивидуальный способ постановки и решения проблем. Принцип, лежащий в основе данной дифференциации, заключается в степени конформизма по отношению к готовым вариантам решения задачи, то есть степень самостоятельности суждений лежит в основе выявления интеллектуальных стилей. Следует заметить, что уровень интеллекта никак не связан с интеллектуальным стилем, достаточно высокие показатели интеллекта не обеспечивают высоких творческих способностей.

Интеллектуальный стиль – это способ, которым пользуется личность при решении задач, поэтому невозможно выстроить иерархию по степени интеллектуальности, только по степени предрасположенности к творчеству. Р. Стернберг выделяет три интеллектуальных стиля: исполнительный, оценочный и законодательный.

Интеллектуальный стиль, менее всего предполагающий критическое осмысление шаблонных решений, назван Р. Стернбергом исполнительным.

---

⁶²Айзенк Г.-Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. – 1995. – №1. – С.111.

Естественно, используя данный интеллектуальный стиль можно достичь немалых успехов во многих сферах деятельности, где требуется четкость, точность, педантизм и отсутствие критического осмысления существующего и работающего алгоритма. Но с данным интеллектуальным стилем плохо сочетается творческая деятельность, естественно элемент творчества можно привнести в любую деятельность, но маловероятно, что личность с исполнительным интеллектуальным стилем станет генератором новых культурных ценностей.

Более благоприятствует творчеству интеллектуальный стиль, который Р. Стернберг назвал оценочным. Ученый характеризует представителей этого стиля так: «Люди этого типа ... склонны анализировать, критиковать, оценивать»⁶³. Хотя оценочный интеллектуальный стиль более благоприятен для реализации таланта, однако люди этого типа ориентированы на работу с готовыми системами, в рамках которых они готовы действовать. Другими словами, их преобразовательная деятельность не носит фундаментального характера.

Интеллектуальный стиль, которым обладают все те, кто делает фундаментальные научные открытия и создает произведения искусства, Р. Стернберг назвал законодательным. У представителей этого стиля отсутствует веры в авторитеты, они игнорируют любые шаблоны и склонны к разработке новых подходов во всех видах деятельности. Поэтому, личности с законодательным интеллектуальным стилем реализуют свой талант в сферах, характеризующихся максимальной свободой.

Таким образом, выявляя и анализируя роль интеллекта как компонента талантливой личности, следует заключить, что здесь значимым является не только уровень, который для успешной реализации таланта, естественно, должен быть достаточно высоким, но и интеллектуальный стиль, который должен благоприятствовать творческой деятельности.

При соотношении интеллекта с этической составляющей личности следует заключить, что интеллект полностью автономен по отношению к моральным принципам. Интеллект как система когнитивных способностей функционирует

---

⁶³Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. – СПб., 2002. – С.147.

абсолютно независимо от моральных убеждений субъекта, поскольку она ориентирована на объективное познание, а не на этическую рефлексию окружающего мира.

Другим интеллектуально-эмоциональным компонентом талантливой личности является фантазия. Термин «фантазия» имеет греческое происхождение и означает художественное воображение. Слово «фантазия» использовал еще Гомер, говоря о ней как об источнике своего вдохновения в процесс создания «Илиады» и «Одиссеи». Не уточняя, что конкретно представляет собой «фантазия», Гомер способствовал появлению легенды о поэтессе Фантасии, которая якобы была автором поэмы о Троянской войне – произведения, вдохновившего древнегреческого поэта-сказителя. Поэтому остается неясным поэтесса Фантасия или художественное воображение служили источником вдохновения Гомера.

Американский психолог Л. Уэлч уподобляет фантазию возникновению новых причудливых образов в калейдоскопе. «Чем крупнее калейдоскоп и чем больше в нем количество стеклышек, тем большее количество новых образов можно ожидать от него, тем сложнее будут эти образы. Чем дольше человек вел наблюдение или чем больше материала он собрал и чем больше времени он уделил перестановке элементов этого материала, тем выше шансы, что будет получено большее количество ценных сочетаний идей»⁶⁴.

Данный подход постулирует превращение количества в качество, то есть, чем дольше субъект творчества находился в процессе фантазирования, тем ценнее результат. Оригинальность полученного продукта, по Л. Уэлчу, есть результат того, что автор перебрал большое количество всевозможных комбинаций в поиске оптимального результата.

Часто понятие фантазии отождествляется с понятием воображение. «Воображение, фантазия есть универсальная человеческая способность к построению новых целостных образов действительности путем переработки

---

⁶⁴ Welch L. Ideational reorganization of ideas in creative and noncreative thinking // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 91. Art. 1. N. Y., 1960. Pg. 142

содержания сложившегося практического, чувственного, интеллектуального и эмоционально-смыслового опыта»⁶⁵.

В рамках данного исследования фантазия рассматривается опять же, как синоним воображения и дефиницируется как мыслительная способность формирования объектов, не данных в восприятии.

В психоанализе фантазия детерминирована нереализуемыми желаниями. В контексте исследования ценно замечание фрейдистов о том, что объекты исключительно реального мира не могут быть источниками фантастических образов, сочетание их с продуктами внутренней, психической жизни, неподконтрольной сознанию, определяет содержание фантазии.

Определение, наиболее целесообразное для данного исследования, следует сформулировать следующим образом – фантазия представляет собой психическую способность, имманентно присущую человеку как социобиологическому существу, и являющуюся первоосновой любой творческой деятельности.

Перефразируя дарвиновскую формулировку главного закона природы о том, что выживает сильнейший, можно говорить о том, что в процессе творчества на основе фантазии как естественного отбора «выживает» актуальнейшая идея, вне зависимости от ее «этичности». Таким образом, понятие этичности утрачивается, когда речь идет о преобразующем внеличностном и внеобщественном устремлении к абсолютному знанию.

Фантазия представляет собой ту ментальную сферу, где субъект позволяет себе любые мысли и идеи. Содержание фантазии на теоретическом уровне не оговаривается никакими внутренними цензами, фильтрации подлежит лишь практическое воплощение продукта фантазии. Естественно, индивидуальна степень этого контроля, и нельзя однозначно положительно оценивать высокую степень контроля, так как следствием этого будет полная творческая стагнация. Так как творчество – это та сфера бытия, развитие которой непосредственно связано с преодолением стереотипов и запретов.

---

⁶⁵Ильенков Э.О. воображении // Народное образование. – 1968. – №3. – С.35.

Фантазия спонтанна и не терпит ограничений и преград. Процесс фантазирования базируется, прежде всего, на заинтересованности субъекта. Стремление к познанию, распространяющееся на все явления действительности, обусловлено равнодушным отношением к ним, наличием такой специфической характеристики как желание стать первооткрывателем, восприятие всего окружающего как объекта познания. Поэтому стремление познать и осмыслить все, что доступно разуму субъекта, невозможно ограничить какими-либо рамками. Иллюстрировать это стремление можно примером, когда ребенок, познавая окружающий мир, не принимает на веру утверждение взрослого, что огонь может обжечь, в данном случае приемлемо только апостериорное знание. И так во всех сферах, в независимости от возраста и других параметров, человек, во что бы то ни стало, стремится все узнать сам. Фантазия здесь выступает, как попытка осмыслить и оценить, поэтому использование любой внутренней цензуры представляет собой лишение возможности познавать. Как ни один психически здоровый человек добровольно не согласится жить с закрытыми глазами, так и неприемлемо отказываться от знания вне зависимости от источника ограничения⁶⁶.

Таким образом, фантазия – это психическая способность, которая созидает ментальное бытие, в измерении которого происходит формирование новых способов осмысления, отражения и систематизации явлений и предметов объективной и субъективной реальности.

В контексте данной темы следует рассмотреть такое качество личности как смелость как неотъемлемую черту талантливой личности. Этика трактует смелость как моральное качество человека, реализуемое в успешном преодолении в себе чувство страха. Бесспорен факт того, что это качество присуще каждому, но в разной степени.

Можно утверждать, что в контексте талантливой личности, смелость представляет собой интеллектуально-эмоциональный компонент, который

---

⁶⁶ Слепцова А.О. Фантазия как внеэтическое поле творческой деятельности / А.О. Слепцова, Н.В. Жилкина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – №1. – 0,4 п.л. (авт. текст – 0,3 п.л.). – С.32- 36.

является неотъемлемой чертой личности, реализующей свой талант. Этот компонент базируется на уверенности в собственной правоте, в перспективности собственных измышлений, несмотря на возможное неприятие и критику со стороны. Можно утверждать, что автор любого фундаментального научного закона или великого произведения искусства обладал сильной степенью развития такого качества, как смелость, так как результат его деятельности был в некоторой степени непредсказуем, а значит, его умозаключение или художественное решение носило характер новизны, неочевидности, оторванности от предыдущей ступени.

В качестве примера можно привести необыкновенно смелое для своего времени учение Ч. Дарвина, с критикой на него обрушилась не только церковь, поскольку работы Ч. Дарвина пошатнули основы вероучения, но и научное сообщество. Так английский геолог А. Седжвик, которого Дарвин считал своим учителем, с обидой подписался в письме к ученику: «Ныне один из потомков обезьяны, а в прошлом – ваш старый друг»⁶⁷.

Ч. Дарвин говорил, что если бы его труд появился двести лет назад, он был бы сожжен на костре инквизиции. Таким образом, ученый осознавал провокационность своих идей и их неприемлемость по отношению к господствующему мировоззрению.

В рассмотренных примерах ученые рисковали репутацией в научных кругах и карьерой, в сфере экспериментальной медицины ученые порой рискуют собственной жизнью. Судить о степени целесообразности эксперимента в этой сфере можно лишь отдельно в каждом конкретном случае. Таким образом, смелость – это необходимый компонент любой научной деятельности.

В художественном творчестве смелость во многом определяет саму художественную ценность произведения. Научная деятельность ограничена критериями научности, ведь на очевидности и субъективном опыте нельзя построить объективное знание, а то, что одному субъекту познания кажется очевидным, другому может представляться неочевидным и даже спорным.

---

⁶⁷ Фридман Э.П. Занимательная приматология. – М., 1985. – С.65.

Деятель искусства в этом вопросе значительно свободнее – хотя новаторство порой и сталкивается с канонами, принцип новизны является важнейшим при оценке художественной ценности. Именно смелость является тем качеством, которое позволяет, интерпретируя явление или предмет действительности, наложить на их образы отпечаток собственной личности. Хотя искусство и основывается на существовании субъективности, которая есть итог неповторимого онтогенеза, произведение искусства должно быть актуально, близко человеку, должно нести в себе общечеловеческое начало, которое будет узнано реципиентом.

Другими словами творческая субъективность должна углубить, интерпретировать объективную действительность, не искажая ее сущности.

Научная ценность – это объективное понятие. Например, когда речь идет об открытии определенной закономерности, безусловная заслуга ученого состоит в том, что он ее выявил и описал, однако не стоит забывать, что она существует независимо от его желания.

Художественная ценность субъективна, так как определяется актуальностью творческой интерпретации, поэтому смелость в художественном творчестве заключается в том, что произведение искусства представляет собой исповедь, ведь на общественный суд творец выносит самое личное. Таким образом, деятель искусства должен обладать достаточной смелостью для того, чтобы реализовать свое видение мира.

Достаточно широк спектр факторов, которые могут препятствовать творческой деятельности: социально-экономические, политические условия, общественные стереотипы, внутренние психологические запреты. Перечисленные факторы в той или иной степени присутствуют практически всегда: относительно нечасто условия жизни благоприятствуют творческой самореализации талантливой личности.

Таким образом, любое значительное достижение, это, прежде всего, вызов ученому сообществу и социуму в целом. Немецкий социолог Э. Фромм, главным качеством личности, способствующим успешной творческой деятельности,

называет «готовность вступить в конфликт с окружающими и находиться в состоянии напряжения»⁶⁸.

Именно такому интеллектуально-эмоциональному компоненту как смелость, обязан социум, ведь прогресс обеспечивают конкретные талантливые индивидуумы, наделенные смелостью. Касательно связи смелости с этическими установками, следует утверждать независимость данных компонентов талантливой личности. Смелость может иметь своими источниками полярные в нравственном отношении категории. Так бездумный фанатизм, косность и нескритичность восприятия могут быть источниками смелости в равной степени с такими личностными характеристиками как потребность в истине и отсутствие конформизма.

Воля – это интеллектуально-эмоциональный компонент, который обеспечивает усилия, поддерживающие напряженную внутреннюю работу и реализацию задуманного. Источником воли является убежденность в значимости достижения, вера в его объективную ценность.

Ожидание вдохновения, как правило, приводит к разочарованию, даже самые талантливые деятели науки и искусства достигают состояния вдохновения только после продолжительной безрезультатной рутинной работы. Именно воля является тем личностным стержнем, который обязывает продолжать работать, долгое время, не достигая ожидаемых результатов.

Происходит борьба с собой, с биологической основой человеческой природы, ведь затраты энергии, направленные на реализацию таланта в принципе, неестественны и обусловлены лишь доминированием социальной основы личности. Ведь инстинкт неутилитарного созидания не характерен для человеческой природы.

Кроме того, как правило, творческая деятельность не связана напрямую с жизнеобеспечением, и реализация собственного таланта не всегда экономически выгодное предприятие, поэтому именно воле наука и искусство обязаны своим существованием.

---

⁶⁸Фромм Э. Душа человека. – М., 1992. – С. 317.

Различна степень развития воли. Безусловно, деятели науки и искусства, которые наделяются эпитетом «талантливые», обладали высокой степенью развития этого интеллектуально-эмоционального компонента. Из чего следует, что только те, кто обладали сильной волей, были названы талантливыми.

Таким образом, если личность лишена такого интеллектуально-эмоционального компонента как сильная воля, создать что-либо значительное она не может. Возможно, существует значительное количество людей, которые обладают всеми интеллектуально-эмоциональными компонентами, кроме сильной воли, находящиеся при этом вне поля творческой деятельности, и, следовательно, творческая реализации их таланта невозможна.

Кроме того, наличие таланта предполагает постоянное движение вперед, совершенствование и творческое развитие. Развитие есть имманентная характеристика талантливой личности, стагнация в этой сфере именуется не иначе как творческий кризис, носящий, как правило, временный характер. Поэтому, отсутствие воли, а соответственно и отсутствие реализации творческого потенциала, губительно для таланта.

Следует заметить, что только все интеллектуально-эмоциональные компоненты в совокупности обеспечивают функционирование таланта. Для понимания этой взаимосвязи, следует обратиться к традициям холистической философии, где талант предстает как некое целое, качественно отличающееся от суммы элементов, которыми являются интеллектуально-эмоциональные компоненты талантливой личности.

Другими словами интеллект, фантазия, смелость и воля только в процессе живого взаимодействия в контексте личности позволяют потенциально талантливому индивидууму стать активным субъектом культурогенеза. В каждом конкретном случае они образуют неповторимую комбинацию, в зависимости от особенностей личности субъекта творчества, сферы деятельности.

Интеллектуально-эмоциональный компонент, который можно назвать «серендипность», является следствием наличия таланта и поэтому представляет интерес для данного исследования.

Для реализации таланта необходимы некоторые условия, наличие которых может носить случайный характер. Для любой случайной творческой находки бесспорно необходим талант, но следует заметить, что значимость результата не всегда прямо пропорциональна усилиям и степени одаренности субъекта научной или художественной деятельности. Для обозначения феномена случайных творческих находок введен термин «серендипити».

Этот термин заимствован из английского языка и восходит к притче «Три принца из Серендипа». Серендип – это старинное название острова Цейлон, который был родиной героев персидского эпоса, обладающих удивительным умением случайно делать поразительные открытия.

Насколько научно обосновано выделение фактора случайности ученые до сих пор спорят. С одной стороны любая рациональная деятельность предполагает фильтрацию всего, что несущественно, но с другой стороны многочисленны примеры из области серендипити, которые подтверждают важную роль фактора случайности.

Ведь то, что кажется незначительным при первом рассмотрении, при более детальном анализе и смелом сопоставлении может служить недостающим звеном для логической цепи, которая завершится открытием.

Американский физиолог У. Кеннон в работе «Роль случая в открытии» пишет о том, что к области серендипити относятся: открытие Колумбом Нового Света, открытие Клодом Бернаром нервной регуляции кровообращения, открытие Эрстедом магнитного действия электрического тока⁶⁹. Однако У. Кеннон подчеркивает, что такой счастливой случайности удостоивается лишь тот, кто подготовлен к открытию.

Примером может служить легендарная история о том, как падение яблока с ветки, подтолкнуло И. Ньютона к открытию закона всемирного тяготения. Ведь неисчислимо многие были свидетелями подобных обыденных, ничем не примечательных событий, кроме того целесообразно предположить, что сам

---

⁶⁹ Степанов С. Дар трех принцев [Электронный ресурс] // Школьный психолог. – 2006. – №6. – URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=2006>. (дата обращения: 12.01.2012).

И. Ньютон неоднократно наблюдал как яблоко падает с ветки, однако только будучи готовым воспринять эту «подсказку» знаменитый английский физик совершил открытие.

Не менее значим феномен случайных творческих находок в художественном творчестве, так М.А. Волошин приводит слова В.И. Сурикова о его счастливой художественной находке: «А то раз ворону на снегу увидал. Сидит ворона на снегу и крыло одно отставила, черным пятном на снегу сидит. Так вот этого пятна я много лет забыть не мог. Потом боярыню Морозову написал»⁷⁰.

Ученые, абсолютизирующие фактор серендипити, заявляют, что научное открытие или ценная творческая находка, есть результат того, что автор оказался в нужном месте в нужное время. Но этот деятель науки или искусства должен постоянно работать в определенной области, тем самым увеличивая вероятность этого счастливого случая. Л. Пастер, анализируя роль случая в научной деятельности, утверждал необходимость активного творческого начала: «Случай только помогает уму, готовому им воспользоваться»⁷¹.

Исходя из всего вышесказанного, понятие «серендипити» для обозначения интеллектуально-эмоционального компонента приобретает адаптированную для русского языка форму «серендипность» и дефиницируется как особая сосредоточенность на всех деталях, имеющих хотя бы опосредованное отношение к интересующей области. Серендипность обуславливает учет и анализ всей информации, поступающей из окружающего мира, нешаблонное мышление, способное выделить по-настоящему «нужное» вопреки тому, что оно может и не казаться таковым обыденному взгляду. Таким образом, талантливую личность отличает то, что она воспринимает мир открыто и непосредственно, у нее отсутствует стереотипное мышление.

Помимо перечисленных компонентов, «составляющих» талантливую личность, в контексте исследования целесообразно обратиться к этической

---

⁷⁰ Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. –Л., 1977. – С. 169-170.

⁷¹ Степанов С. Дар трех принцев [Электронный ресурс] // Школьный психолог. – 2006. – №6. – URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=2006>. (дата обращения: 12.01.2012).

составляющей как компоненту, автономному по отношению к таланту, но играющему основную роль в определении направления реализации таланта.

Этическая составляющая личности в данном контексте понимается как индивидуальный набор этических принципов и правил. Осмысление данной сферы сознания немецким философом Максом Шелером представляется в данном контексте чрезвычайно актуальным. В работе «Ordo amoris» этическая составляющая личности называется «строем любви и ненависти», который является продуктом личностной рефлексии окружающей действительности. Иерархия предпочтений, субординация по значимости выстраивается в соответствие с тем, как высоко личность оценивает объект познания. Для Макса Шелера «этос субъекта» является результатом произвольного суждения и поэтому характеризуется высокой степенью относительности. Отрицая объективность нравственных ценностей и утверждая зыбкость и хрупкость «строения любви и ненависти», Макс Шелер объясняет любое проявление аморализма так: «если места путаются, если под влиянием страстей и влечений иерархия значимостей рушится, наша любовь оказывается неправильной и неупорядоченной»⁷².

Используя данную методологическую установку Макса Шелера, следует сделать вывод, что нравственный уровень личности зависит от степени правильности ее трактовки ценности какого-либо объекта, а в данном контексте можно говорить, что талант как нейтральная преобразующая способность не может обеспечить «правильность» «строения любви и ненависти».

Этические установки личности формируются под влиянием социума, носят относительный, субъективный и лабильный характер, но, тем не менее, определяют выбор, который совершается в наиболее важные моменты жизни. С некоторой долей условности можно утверждать, что если индивидуальный набор этических принципов и правил находится в диссонансе с общественной этикой, то личность способна нарушить ее нормы. Индивидуумам, чьи этические убеждения максимально приближены к общественным, не свойственно девиантное

---

⁷² Шелер, М. Ordo amoris [Электронный ресурс]// Цифровая библиотека по философии. 2005. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000166/index.shtml> (дата обращения: 14.01.2012).

поведение, так как их субъективное понимание добра и зла совпадает с общественным.

Если говорить об автономности личностной этики по отношению к таланту, то следует заметить, что все интеллектуально-эмоциональные компоненты в совокупности обеспечивающие наличие таланта не обеспечивают того, чтобы реализация таланта имела нравственную направленность. Высоконравственных индивидуумов среди талантливых столько же, сколько и среди среднестатистических людей, отличие заключается в том, что талантливая личность оставляет более заметный след в истории, потому и ее поступки значительнее. Талантливая личность обладает несравнимо большими возможностями утверждать собственный взгляд на мир, потому так важен вопрос об этической составляющей таланта.

Как известно, способность к творчеству – имманентная характеристика человеческой личности. Эта способность детерминирована уровнем таланта, но если причислять к произведениям искусства наскальную живопись, то сущность творчества можно определить как духовно-практическое освоение мира, свойственное исключительно человеку. Это утверждение само по себе позволяет назвать способность к творчеству продуктом эволюции, так как потребность в создании предметов, не имеющих прямого утилитарного значения, свойственна только представителю вида человек разумный.

На этапе, когда человечество представляло собой разрозненные племена, каждый представитель такой общности характеризовался универсальностью знаний и умений, которые локализовались вокруг жизнеобеспечения себя и племени. Профессионально творчеством никто не занимался: творчество было досугом. Следует заметить, что научное творчество на этом этапе существовало в зачаточном состоянии, так как происходило безличное накопление знаний о мире, законы природы истолковывались с позиций зарождающихся религиозных верований. Только художественное творчество было сферой, где была возможна материализация неутилитарной мысли. Таким образом, способность и

потребность в творчестве можно назвать признаком человека как культурного существа.

С усложнением человеческого общества изменилась и роль творчества. Социально значимый вклад в науку или искусство предполагает определенный уровень мастерства или обладание фундаментальными знаниями, то есть находиться на последней ступени развития сферы приложения таланта, чтобы перейти на следующую. На современном этапе создать что-то социально значимое практически невозможно без соответствующего образования и таланта.

Даже в биографии И.П. Кулибина, имя которого стало нарицательным для обозначения гениального самородка, можно найти период ученичества, когда талантливый мальчишка стали обучать местные ремесленники.

Безусловно, творчество постоянно присутствует в жизни, меняющиеся условия требуют быстрого приспособления и адаптации к ним. Чем сложнее общественная организация и выше запросы времени, тем менее актуальным становится применение готовых форм поведения. Но творчество, не как способность соответствовать требованиям действительности, а как деятельность, порождающая качественно новый продукт, требует такого развития личности, который может выявлять ранее неизвестные связи, анализировать скрытые механизмы развития природы и социума.

Творчество, порождающее продукты, качественно превосходящие уровень развития науки или искусства, сопровождается эволюцией самой личности субъекта. Стоит заметить, что для того, чтобы достаточно комфортно жить в современном мире, совсем не обязательно быть автором величайших произведений искусства или достижений науки, выбор творческой деятельности как основного занятия обусловлен только желанием субъекта. Научное или художественное творчество никак нельзя рассматривать как путь к материальному обогащению, для данной цели это самый нерациональный способ. Процесс созидания поглощает все сферы жизни творца. Только творчество ради творчества обеспечит результат, который будет назван величайшим открытием или произведением искусства.

Кроме того, творчество самая энергоемкая, и, как следствие, самая трудоемкая деятельность из всех возможных. Это утверждение опирается на научные данные: «Мозг человека составляет 1/50 массы тела, а потребляет 1/10 всей энергии – в 5 раз больше, чем любой другой орган»⁷³.

Творчество нельзя назвать необходимым для выживания, биологически оно не предусмотрено, по сути оно является вторичным продуктом при совершенствовании адаптивных способностей человека. Лениность мозга представляет собой естественное стремление человеческого организма экономить энергию. Ученый-биолог С.В. Савельев в монографии «Происхождение мозга» пишет: «чем меньше времени мозг работает в интенсивном режиме, тем дешевле обходится его содержание»⁷⁴. Возникает целесообразный вопрос о назначении творчества, о его конечной, условно говоря, антропологической цели.

Безусловно, достижения конкретных деятелей науки и искусства обеспечивают прогресс всего общества во всех сферах. Но прогрессу способствуют лишь продукты творчества, общество в целом не может подняться до уровня творца, пока каждый не пройдет весь путь эволюции.

Многочисленны примеры парадоксальных хронотопных совпадений творчества гениев и темных периодов мировой истории. Так в XVII веке были сделаны важнейшие открытия в области астрономии, авторы которых подвергались преследованию. Естественно, позднее достижения были признаны, однако это произошло, когда общество было уже на другом уровне, когда сумма всех достижений в научной сфере утвердила естественнонаучное мировоззрение.

Мысль о несоответствии достижения уровню общественного развития фигурирует в труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» французского писателя XIX века Жозефа Артюра де Гобино. Анализируя значение изобретения Иоганна Гуттенберга, писатель приходит к выводу, что «печатный станок есть

---

⁷³Савельев С.В. Происхождение мозга. – М., 2005. – С.50-51.

⁷⁴Савельев С.В. Происхождение мозга. – М., 2005. – С.50-51.

средство, а не принцип»⁷⁵, поэтому может, как стимулировать, так и задерживать прогресс в зависимости от того какие идеи будет распространять печатное слово.

Таким образом, гений может внести значительный вклад в науку или искусство, но ни в его силах своими достижениями усовершенствовать человеческую природу.

Конечность жизни человека обуславливает возврат на предшествующие позиции. Накопленный в течение жизни духовный опыт, представляющий собой состояние нервной ткани, не учитывается наследственным законом – «механизмом» биологической эволюции и, вследствие этого, в следующее поколение не передается; со смертью личности развитое сознание безвозвратно теряется⁷⁶. Каждое новое поколение, благодаря перерождению опытного знания в младенческое неведение – *tabula rasa* – возвращается к исходному началу, повторяя весь путь образования сознания.

Знания и опыт, индивидуальные технологии творчества и оригинальное видение мира – все это утрачивается. То есть, если бы вместе с наследованием физических и психических качеств, наследовались бы еще уже развитые таланты и полученные когда-то знания, то каждое новое поколение в интеллектуальном и нравственном аспектах было бы совершеннее предшествующего.

Таким образом, творчество способствует эволюции личности, усовершенствованию и усложнению внутреннего мира результатом чего является достижение значительных результатов. Именно опираясь на эти результаты, эволюционирует социум, более или менее активно используя личный опыт творца.

Потребность преобразовать внешний мир без явно выраженной утилитарной цели не является базовой потребностью человека, она становится таковой, когда личность достигла определенного уровня развития, поэтому она не наследуется биологически и не распространяется на индивидов не готовых эволюционировать. Следует заметить, что готовность духовно эволюционировать

---

⁷⁵Гобино Ж. А. де Опыт о неравенстве человеческих рас. – М., 2000. – С.155.

⁷⁶ Олейников Ю.В., Оносов А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции.– М., 1999. – С.267.

исключительно социальная, приобретаемая характеристика, кроме того, исключая случаи явной патологии, можно утверждать, что к восприятию достижений гения готов каждый человек.

Нет причин утверждать, что человеческий мозг при соответствующей подготовке может не понять сложнейших формул и теорем, не прочувствовать произведение искусства. Естественно стать великим деятелем науки или искусства может не всякий, биологическое наследование отрицать нельзя, но при максимально возможном развитии способностей человек может понять любой научный закон и самую абстрагированную художественную идею. Но нельзя утверждать эгалитарность искусства, эта сфера в отличие от науки носит субъективный характер и понимание его детерминировано всей совокупностью социальных характеристик человека. Можно согласиться с испанским философом Хосе Ортега-и-Гассетом утверждавшим, что место в социуме является определяющим фактором при восприятии произведения искусства.

В целом, можно утверждать, что прогрессивная роль индивидуального творчества в развитии социума невозможна без соответствующей подготовки реципиентов.

Касательно вопроса об эволюции личности творца в процессе созидания, следует заметить, что начало творческой деятельности само по себе свидетельствует о достижении определенного уровня развития личности, под которым следует понимать наличие и достаточно высокий уровень развития интеллектуально-эмоциональных компонентов, образующих талантливую личность.

Однако не следует проводить четкую границу между периодом внешне невыраженной деятельности и периодом активных преобразований. В контексте человеческой личности нецелесообразно говорить, что эти периоды расположены последовательно, эти две формы активности всегда обуславливают друг друга.

Для творческой личности характерен бесконечный эволюционный процесс, стремление к максимально возможному совершенству. В данном контексте для обозначения стремления к совершенству применим психологический термин «перфекционизм». Творческая личность находится в постоянном творческом

поиске, который доминирует над всеми потребностями человека, превращаясь в специфический стиль восприятия мира, который воплощается в бесконечном стремлении к совершенству.

Следует отметить, что перфекционизм может проявляться как на обыденном уровне, так и на уровне творческих исканий. Перфекционизм на обыденном уровне может выражаться в завышенных требованиях к быту, собственной внешности и тому подобное, принимая в некоторых случаях болезненные формы. Когда же деятельность носит творческий характер, перфекционизм, как стиль восприятия мира, ограждает творческую личность от внутренней стагнации.

Перфекционизм нельзя отнести к компонентам талантливой личности, стремление к совершенству есть производная реализуемого таланта, процесс постоянного роста, который играет важнейшую роль в самовосприятии творца. Творческий процесс никогда не подходит к концу. Не будет преувеличением сказать, что в творческой деятельности процесс важнее результата. Процесс творчества в аспекте воздействия на субъект тождественен эволюционному процессу.

Преодоление субъективных и объективных трудностей происходит ради самого преодоления, и, какой бы грандиозной ни была цель, творцу важнее процесс ее достижения, а значит процесс собственной эволюции.

Как бы талантлив не был деятель науки или искусства, эволюционировать, а вместе с тем поднимать планку своего творения, он может бесконечно. По свидетельству русского поэта Н.В. Берга, Н.В. Гоголь переписывал свои произведения до восьми раз и никогда не считал свою работу законченной⁷⁷.

Создавая шедевр русской исторической живописи полотно «Боярыня Морозова» В.И. Суриков, по свидетельству искусствоведа Г. Чугунова, более тридцати раз переделывал и изменял всю композицию картины⁷⁸.

---

⁷⁷Машинский С. Художественный мир Гоголя. – М., 1971.– С.57.

⁷⁸ Чугунов Г. Боярыня Морозова // Юный художник. – 1983.– №2. – С.40.

Постоянный творческий поиск шведского естествоиспытателя К. Линнея обусловил то, что ученый работал над своим трудом «Система природы» всю жизнь. Всего ученый подготовил тринадцать переизданий этого труда, который из небольшой книги постепенно превратился в многотомное издание.

Помимо эволюции научных или художественных взглядов, несколько стадий развития могут проходить мировоззренческие основы личности. Общеизвестна эволюция взглядов Л.Н. Толстого – рефлексии мыслителя подверглись его мировоззренческие ориентиры. Так идеал человека для Л.Н. Толстого в юности заключало в себе понятие «комильфо», русскоязычным аналогом которого является понятие «благовоспитанность». Л.Н. Толстой осмысляя этот период, пишет: «стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т.е. славнее, важнее, богаче других»⁷⁹. Л.Н. Толстой разочаровывается в прежних идеалах и ищет выход из мировоззренческого кризиса. Итогом исканий становится создание религиозно-философского учения, получившего название толстовства.

В данном случае можно говорить о том, что имела место мировоззренческая революция, так как происходило развитие личности, носившее резкий скачкообразный характер. Так из строгого блюстителя норм светского этикета, приверженца сословных предрассудков, для которого «комильфо» - было необходимое условие жизни, без которого не могло быть ни счастья, ни славы, ничего хорошего на свете»⁸⁰, Л.Н. Толстой становится тем, кого академик А.А. Гусейнов относит к «великим моралистам»⁸¹, философом, идеи которого оказали влияние на Махатму Ганди и Мартина Лютера Кинга⁸².

Итогом осмысления происходящего стало недовольство собой и миром, что потребовало поиск пути, который и воплотился в литературном творчестве. Бесспорен факт того, что творчество, как активная преобразовательная жизненная

---

⁷⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 23, – М., 2006. – С.4.

⁸⁰ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 2. – С.1744.

⁸¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995. – С.196.

⁸² Роллан Р. Жизнь Толстого. – М., 1954. – С. 219.

позиция, явилось одновременно причиной и следствием мировоззренческой революции.

Литературная форма была лишь оболочкой для философии мыслителя, способом донести свои мысли в формате максимально удобном для восприятия. Можно утверждать, что целью творчества мыслилось совершенствование человека и общества. Поэтому Л.Н. Толстой неохотно рассказывал о своей литературной деятельности, предпочитая беседы религиозной, этической и социальной направленности.

Таким образом, жизненный и творческий путь Л.Н. Толстого представляет собой ярчайший пример активной творческой эволюции личности.

Выдающийся психолог и философ С.Л. Рубинштейн, детально исследовав вопрос эволюции личности, пришел к заключению, что «человек должен его [путь своего развития] рассматривать в определенном аспекте: чем я был? – что я сделал? – чем я стал? Было бы неправильно думать, что в своих делах, в продуктах своей деятельности, своего труда личность лишь выявляется, будучи до и помимо них уже готовой и, оставаясь после них тем же, чем была. Человек, сделавший что-нибудь значительное, становится в известном смысле другим человеком»⁸³.

Целесообразным представляется рассмотрение творчества как необходимого условия существования талантливой личности. Человек, как существо одновременно биологическое и социальное, функционирует в пространстве потребностей, которые детерминированы этими началами.

Удовлетворение базовых, биологических потребностей недостаточно, поскольку социальное начало личности обуславливает потребность в самореализации, в «индивидуальном продвижении по пути очеловечивания»⁸⁴. При благоприятных условиях можно наблюдать эволюцию личности, достижение ею намеченных целей, однако нереализованный потенциал приводит к появлению социальных и психологических проблем. Стремление достичь новой ступени

---

⁸³Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1989. – С. 246.

⁸⁴Иванченко Г.В. Понятие метапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы // Психология: журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 3. – С. 119.

собственного развития есть имманентная потребность человеческой личности. Р. Декарт, анализируя причинную связь событий в мире, постулирует, что «все существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени»⁸⁵. В масштабе одного индивидуума отсутствие движения следует считать нарушением личностного развития, потерей ориентиров и жизненно необходимой устремленности в будущее.

В качестве термина для обозначения совокупности психических расстройств, вытекающих из духовной неустроенности человеческой жизни, из приземленности идеалов и ценностей, которыми живет человек⁸⁶, основатель гуманистической психологии А. Маслоу использует термин «метапатология». Метапатология проявляется в формах таких психических недугов как апатия, депрессия, цинизм. В целях самосохранения личность ищет деятельность, которая бы возвышала человека над самим собой, помогала дистанцироваться от собственной персоны и узко личных проблем. Личность обретает себя, посвящая жизнь чему-либо, выходящему за ее пределы, какому-либо любимому занятию. Наличие таланта в данном случае наделяет это занятие социальной значимостью и возвышает до творчества.

В заключение следует заметить, что человек рождается человеком, а личностью становится. Если согласится с утверждением теоретика диалектического материализма Ф. Энгельса, о том, что «труд создал самого человека»⁸⁷, то есть человек выделился из высших обезьян благодаря труду, то можно заключить, что личность выделилась в человеке благодаря творчеству.

Исследователь проблемы саморазвития человека, Б. Санто так уточнил мысль Ф. Энгельса: «не рутинный труд сделал человека человеком, а, в первую очередь, его уникальная способность познавать самого себя и окружающий мир»⁸⁸.

---

⁸⁵ Там же, – С. 110.

⁸⁶ Карпинский К.В. Психология жизненного пути личности. – Гродно, 2002. – С. 105.

⁸⁷ Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. – Л., 1953. – С. 3.

⁸⁸ Санто Б. Сила инновационного саморазвития// Инновация. – 2004. – №2. – С.5.

Таким образом, в контексте данного исследования творчество следует понимать как форму созидательной активности, не носящей прямого утилитарного значения, преобразующей одновременно объект и субъект этой активности.

Можно заключить, что основной целесообразной формой существования человеческой личности как родового существа является развитие, которое реализует потребность «постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме»⁸⁹.

Поэтому очевидно, что в итоге все поиски смыслов человеческого бытия обнаруживают единственную неизменную ценность и недостижимую цель существования – постоянное движение к совершенству.

Выводы по I главе

1. Специфика исследования нравственных убеждений талантливой личности исторически детерминирована. Этическая рефлексия реализации таланта впервые была осуществлена в эпоху Возрождения, поскольку именно в этот исторический период человек получил достаточную степень автономности от социальных институтов и стал восприниматься как личность с уникальным набором ценностных установок, несущая ответственность за свои деяния.
2. Социокультурные условия исторических эпох до Ренессанса исключали возможность исследовать нравственные убеждения талантливой личности, поскольку данная проблема выходила за границы эпистемологической системы.
3. В контексте исследования талант дефиницируется как определенный уровень развития личности, который позволяет ей быть активным субъектом культурогенеза. Талант нельзя выявить, опираясь исключительно на теоретические данные, сущность таланта заключается в социальной

---

⁸⁹ Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы. – М., 1981. – С.4-5.

ценности продуктов творчества как предметного выражения реализации таланта, поэтому, чем выше степень таланта, тем значительнее объективная культурная ценность продукта.

4. Талантливая личность может обладать целым рядом интеллектуально-эмоциональных компонентов, но необходимыми компонентами талантливой личности являются: интеллект, фантазия, смелость, воля и серендипность. Только все интеллектуально-эмоциональные компоненты в совокупности обеспечивают функционирование таланта. Поэтому талант следует рассматривать как некое целое, качественно отличающееся от суммы элементов. Интеллектуально-эмоциональные компоненты только в процессе живого взаимодействия в контексте личности позволяют потенциально талантливому индивидууму стать творцом.
5. Система норм индивидуального поведения автономна по отношению к таланту, все интеллектуально-эмоциональные компоненты, в совокупности обеспечивающие наличие таланта, не обеспечивают нравственную направленность его реализации. Личностная нравственность представляет собой индивидуальный набор этических принципов и правил, носит относительный, субъективный и лабильный характер, но, тем не менее, определяет выбор, который совершается в наиболее важные моменты жизни.
6. Специфической особенностью творчества в масштабе личности является принцип деятельности ради деятельности, то есть род активности, при котором процесс творчества важнее результата. Поскольку творчество как личностный эволюционный процесс не имеет границ и пределов, создание художественного произведения или открытие величайшего закона мироздания представляет собой лишь наглядную демонстрацию уровня развития отдельного индивидуума. Социально значимое достижение представляет собой фрагмент личностного знания, освоенную талантливой личностью часть духовного или физического пространства, которая в дальнейшем будет использоваться остальными членами общества.

7. Творчество является единственной возможностью преодолеть биологическую и социальную ограниченность человека. Исследование продуктов творчества позволяет судить о том, чего именно хотел достичь конкретный человек и человечество в целом.

ГЛАВА II. ТВОРЧЕСТВО КАК УСЛОВИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ТАЛАНТЛИВОЙ ЛИЧНОСТИ: ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Формирование талантливой личности: идея самореализации и самоактуализации

Исследование и выявление функций творчества с различных ракурсов происходило в рамках гештальтпсихологии, психоанализа, теории терапии творческим самовыражением. Суммируя эти подходы, психолог О.С. Груша выделил следующие функции творчества: познавательная, воспитательная, гедонистическая, коммуникативная, психотерапевтическая и компенсаторная функции. Последняя из перечисленных функций, компенсаторная представляется интересной для рассмотрения, поскольку именно она позволяет называть творчество процессом воплощения мечты.

Понятие «мечта» можно дифференцировать как созданный фантазией сценарий, имеющий относительную или абсолютную степень недостижимости и детерминированный интересами субъекта.

В философском понимании мечта представляет собой частный случай такого понятия как цель, смысловое выделение «мечты» из «цели» обусловлено именно наличием такой характеристики как недостижимость.

Понятие «цель» определяется как ожидаемый идеальный результат деятельности человека. Целью творчества в самом широком смысле как духовно-практического освоения мира является создание максимально целостного и полного представления о нем. Другими словами, личность, занимающаяся научным или художественным творчеством, расширяет границы познанного пространства, делая доступным для человека явления окружающей действительности.

Таким образом, мечта представляет собой недостижимую по каким-то причинам цель, существующую только на теоретическом уровне. В языковой системе есть специальная грамматическая форма сослагательного наклонения для обозначения теоретически возможного явления, «а что если бы ...».

Люди в разные эпохи, описывая мечту, продолжали эту фразу, причем масштаб мог быть самый разный, от риторического вопрошания «а что если бы люди могли летать» до приземленного желания материального благосостояния.

В данном контексте актуальным представляется анализ отражения мечты конкретной личности или человечества, в целом, в продуктах творчества. Можно выделить сферы, ставшие доступными исключительно творчеству, по принципу недоступности человеку и как биологическому существу, и как социальному.

В данном случае можно говорить о явлении трансгрессии, как о переходе границы между возможным и невозможным. Именно в творчестве для человека нет ничего невозможного, ни социум, ни природа не властны над ним, когда реализуется личностное переосмысление бытия.

Весь спектр недоступного, но желанного детально отражен в религиозных системах. Все становится возможным, если человек достигнет совершенства – лейтмотив всех религиозных систем. Однако, мифология как более ранняя форма выражения мечты, позволяет исследовать творчество сказочной реальности без искажения его морализаторской функцией религии. Ведь культурные герои не являлись идеальными в нравственном отношении людьми, жизнь в пространстве мифа ближе к реальной жизни, чем любой религиозный сюжет⁹⁰.

Законы материального мира, ограничивающие человека физически, преодолевались уже в первых памятниках человеческой культуры. Мифология, помимо целой совокупности функций, была первым теоретическим воплощением мечты. Именно в пространстве мифа человек впервые обрел сверхъестественные способности. В результате традиционного мифологического синкретизма божественного и человеческого формируется представление о культурном герое. Наличие божественного начала позволяет с рациональных позиций объяснить, почему культурный герой может больше, чем простой смертный. Интересен факт попытки приблизить себя к культурному герою, так культурный герой нередко отождествлялся с тотемным предком.

---

⁹⁰ Слепцова А.О. Творчество как воплощение мечты / А.О. Слепцова // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – №9. – 0,4 п.л. – С.247- 252.

Доказательства наличия этой тенденции присутствуют во всех без исключения мифологических системах. Шумеры нарекли своего эпического героя Гильгамешем, предположительно этот антропоним означает «предок-герой». Древние славяне считали себя «даждьбоговыми внуками», для древних китайцев первопредком был Хуан-ди – мифический правитель Китая. Несколько царских родов Древней Греции возводили свое происхождение к гераклидам, потомкам Геракла. Таким образом, вне зависимости от исторического контекста и этнической специфики, первопредок отождествлялся с культурным героем.

Значительная часть любой мифологической системы посвящена описанию деяний культурного героя, подвигам, чудесам и свершениям. Подробно разработана эта тема в мифологии Древней Греции. Античные авторы, словно пытаясь охватить все недоступное для человека, создают несколько культурных героев, возможности каждого из которых совершеннее человеческих.

Можно выделить несколько культурных героев античности, подвиги которых демонстрируют, прежде всего, физическое могущество. В данном случае деяния Геракла и Тесея можно объяснить стремлением к физическому совершенству, к преодолению биологических ограничений человека. К этой категории также можно отнести все мифы, в которых произошла победа над смертью. В контексте греческой мифологии только любовь может победить смерть: таковы мифы об Орфее и Эвридике, Адонисе и Афродите. В данном случае осуществляется мечта человека обрести бессмертие, вера в чудо, спасение от всеобщей обреченности. Стремление преодолеть биологическую ограниченность воплощается в популярном сюжете о магическом превращении. Нередко герой древнегреческого мифа становился растением или животным.

Естественно, что человек считает себя существом максимально приближенным к идеалу, поэтому превращение было вынужденным. В древнегреческих мифах преследования Пана, бога пастушества и плодородия, провоцируют превращение нимфы Сиринги в тростник, в лавр превращается Дафна, преследуемая Аполлоном, нимфа Питида, сброшенная богом северного ветра Бореем с высокой скалы, превратилась в сосну. Популярен сюжет наказания

превращением: богиня возмездия Немесида превращает отвергшего нимфу Эхо Нарцисса в цветок, искусная ткачиха Арахна за неуважение к богам превращена Афиной в паука.

Благодаря легендарному поэту-сказителю Гомеру широко известным стал сюжет превращения спутников Одиссея в свиней колдуньей Цирцеей.⁹¹ Кроме того, метаморфоза может быть единственным спасением, так Зевс, пытаясь избавить свою возлюбленную Ио от гнева Геры, превращает ее в белую корову. Таким образом, древнегреческие авторы в мифах выходили за биологические границы человеческого бытия, делая возможным то, что не может сделать простой смертный, в том числе возвращение из царства Аида.

Миф, лишенный функции объяснения миропорядка, но обязанный преподать моральный урок, превращается в сказку, жанр, который даже в большей степени, чем миф, выражает мечты человека.

В сказке абсолютизируется необходимость справедливости, что отражено в формуле «добро побеждает зло». Помимо всей палитры нереальных возможностей, которыми обладают герои, сказка всегда предполагает счастливый конец. Сказка представляет собой повествование о злключении героя и счастливом разрешении, что является, по сути, воплощением мечты о неизбежности победы добра. Следует заметить, что необходимость торжества добра, как базовой потребности человека, характерна не только для мифа и сказки. Античный театр породил уникального персонажа, называемого «бог из машины». Смысл введения данного лица сводится к следующей общечеловеческой потребности: «несмотря на все несчастья, все будет хорошо». Несмотря на неприятие многими литераторами подобного приема, Г. Уэллс говорил о нем так: «Когда всё возможно, ничто не интересно». Прием «бог из машины» удовлетворял потребность человека верить в неизбежность победы добра, пусть даже сверхъестественным путем.

Кроме того, что человек в своем творчестве преодолевает свою биологическую ограниченность, все законы социума становятся доступными для

---

⁹¹ Гомер Одиссея. – М.: 1981. – С.162

его пересмотра. Эта проблема является актуальной не только для революционеров и асоциальный бунтарей: немецкий социолог Э. Фромм отмечал, что ни одна из историко-культурных эпох в силу несовершенства социума не позволяла человеку полностью удовлетворить потребности своей природы. Не имея соответствующих полномочий в реальной жизни, талантливый человек способен выстроить свой социум со своими собственными законами. Детальный план нового социума создан утопистом Томмазо Кампанелла, который, что показательно, создавал свою новую социальную реальность, когда находился в тюрьме за попытку государственного переворота. За попытку освободить Италию от испанского ига и установить республику итальянский философ попал в тюрьму на двадцать семь лет, где и развернул свою деятельность по созданию идеального государства, теперь уже в теории.

Таким образом, творческое осмысление действительности создает пространство, в котором возможно игнорирование законов социума и построение новых в соответствии с воззрениями автора. Так осуществляется мечта автора об установлении тотальной социальной справедливости: не имея возможности мечту реализовать на практике, Томмазо Кампанелла подробно излагает ее сущность в своем труде «Город Солнца». ⁹²

Другая история об идеальном государстве и счастливом народе волнует человечество уже более двух тысяч лет. Жизнеспособность легенды об Атлантиде, затонувшем острове, на котором когда-то существовала высокоразвитая цивилизация, доказывает потребность человека верить в возможность создания идеального общества. Помимо технического прогресса атлантической цивилизации жители острова отличались возвышенным образом мыслей: «взирая на все, кроме добродетели, с пренебрежением, они мало дорожили тем, что имели много золота и иных стяжаний, относились равнодушно к богатству, как к бременю, а не падали наземь в опьянении роскоши, теряя власть над самим собою» ⁹³.

---

⁹² Кампанелла Т. Город Солнца. – М., 1954.

⁹³ Муравьева Т.В. Сто великих мифов и легенд. – М., 2003. – С.175.

Споры о реальном существовании острова начались еще в античные времена, Аристотель считал Атлантиду выдумкой. Однако подсчитано, что к настоящему времени об Атлантиде написано около 3600 научных работ (уж не говоря о многочисленных произведениях художественной литературы)⁹⁴.

Феномен создания желанной реальности был осмыслен в начале XVII века испанским писателем Мигелем де Сервантесом в его знаменитом романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Роман явился не просто художественным произведением, значение его подтверждают многочисленные и постоянные аллюзии в трудах по философии, социологии, психологии. Особый тип в соционике, который характеризуется тягой к генерированию смелых идей и экспериментаторству, стал именоваться «Дон Кихотом», на бытовом уровне существует фразеологизм «воевать с ветряными мельницами», означающий нерациональную борьбу, когда субъект находится во власти собственных иллюзий и не учитывает настоящего положения вещей.

Такой термин, как донкихотство понимается как особое мессианское миропонимание, в котором наличествует обязательная благородная цель – спасение. Совокупность условий, необходимых для формирования такого миропонимания, носит субъективный характер, то есть потребность спасать формируется независимо от спроса на спасение. Субъект создает реальность, в которой есть кого спасать, условно говоря, под «Дульсинеей» «Дон Кихот» может понимать конкретного индивида, группу или идею.

Русский публицист Д.И. Писарев так представлял себе славянофильство религиозного философа И.В. Киреевского: «Киреевскому хотелось жить разумною жизнью, хотелось наслаждаться всем, чего просит душа живого человека, хотелось любить, хотелось верить... В действительности не нашлось материалов; а между тем он полюбил ее, [идею о мессианской роли России] обидеализировал, раскрасил по-своему и сделался рыцарем печального образа, подобно несравненному Дон-Кихоту, любовнику несравненной Дульцинеи

---

⁹⁴Муравьева Т.В. Сто великих мифов и легенд. – М., 2003. – С.177.

Тобосской»⁹⁵. Этот пример доказывает наличие необходимости создать желанную реальность, чтобы самореализоваться в ней, если действительность не удовлетворяет личностным запросам. Талантливая личность созидает новое бытие, где нарушая законы материального мира и социума, реализует свою мечту.

Особого внимания заслуживает научное творчество в ракурсе исполнения человеческих мечтаний. Не будет преувеличением сказать, что научное творчество, расширяя на практике границы бытия человека, последовательно реализует его мечты. Научное творчество, в отличие от художественного, не может игнорировать законы материального мира, но отталкиваясь от них как от данности, ученый преобразовывает мир настолько, насколько это возможно. Научное творчество, таким образом, ограничено целой совокупностью объективных условий, художественное регулируется только рамками субъективного дозволенного. Эту дихотомию иллюстрирует история взаимоотношений человека и мечты о покорении неба. Художественное творчество реализовало эту мечту созданием ковра-самолета. Научное творчество, удовлетворяя потребность человека подняться в небо, создает воздушный транспорт. Кроме того, повысив мобильность человека, транспорт реализовал мечту человека быстро преодолевать огромные расстояния, которая сконцентрирована в сказочных сапогах-скороходах. Хорошо ощутима специфика научного и художественного творчества в реализации мечты о свободе от заботы о хлебе насущном, так в русских народных сказках появляется скатерть-самобранка, в науке также заметны значительные достижения в сфере оптимизации питания.

Что касается другой заметной параллели, то мечта об обретении утраченного здоровья, реализуемая через достижения современной медицины, отражена в появлении такого сказочного лекарства как живая вода.

Следует заметить, что, мечты воплощенные в таких сказочных артефактах как волшебная палочка и шапка-невидимка, пока никак не отражены в научном

---

⁹⁵ Писарев Д.И. Соч. 4 т. – М., 1955. – С. 337.

творчестве, поскольку полностью выходят за границы человеческих возможностей.

Таким образом, научное творчество, опираясь на современные ему достижения, стремится повысить качество жизни всеми доступными средствами, однако любое научное изыскание проверяется практикой, поэтому только художественное творчество не сдерживается никакими законами, поскольку его удел – теория.

Важной особенностью научного творчества является то, что характерная для художественного творчества компенсаторная функция переходит из чисто ментальной сферы в сферу предметного мира. Реализация потребности человека преодолеть собственную ограниченность, в сфере научного творчества выражается в научно-техническом прогрессе. Художественное творчество демонстрирует, как в идеале могут быть удовлетворены различные человеческие потребности, научное же только как представляется возможным.

В истории теоретической мысли невозможно найти опыт осмысления выражения компенсаторной функции творчества в научных и художественных произведениях. Однако интересной представляется концепция индивидуальной психологии А. Адлера. Австрийский психолог разрабатывает положение о врожденной психофизической недостаточности человека и совокупности усилий, компенсирующие эту особенность. По А. Адлеру комплекс неполноценности формируется в детстве и обоснованием для него «служит просто сама по себе слабость ребенка, ограниченность его сил, подверженность страхам, зависимость от кажущихся ему сильными, знающими, ничего не боящимися, «могущественными» взрослых»⁹⁶.

Ребенок пытается компенсировать свою мнимую или реальную недостаточность, которая становится «постоянно действующим, принципиально ненасыщаемым источником активности индивида»⁹⁷. Взрослый также несвободен от чувства недостаточности, именно оно становится источником активности,

---

⁹⁶ Адлер А. Наука жить. – Киев, 1997. – С.58.

⁹⁷ Там же, – С.59.

который порождает стремление преодолеть общевидовые и социальные ограничения. Культуролог Н.В. Жилкина к факторам, которые могут стимулировать творческую активность, относит даже «физическое увечье или недомогание, эмоциональное переживание или потрясение», то есть объективные условия, изначально не связанные непосредственно с творчеством⁹⁸.

Расширяя концепцию о психофизической недостаточности до общечеловеческой особенности, можно заключить, что все достижения науки и искусства представляют собой попытку выхода за рамки дозволенного законами физики и социума, воплощенную мечту человечества о собственных беспредельных возможностях.

Таким образом, творчеством человек компенсирует ощущаемую недостаточность, пытаясь гармонизировать потребности с реальными возможностями. Только в творчестве, в сфере, которая позволяет достичь максимальной свободы, человек может воплотить в жизнь абсолютно все мечты, достичь самого невероятного и установить новые естественнонаучные и социальные законы.

Субъективный смысл творчества, личная заинтересованность, неослабевающая потребность в его присутствии, тема разработанная российским философом В.В. Варавой в теории психотипов.

В истории «человеческого муравейника» В.В. Варавы выделяет тех, кто выступает против «безразличия немой Вселенной», избрав один из способов ее духовного освоения⁹⁹.

Философ обнаруживает следующие психотипы: Ученый, Верующий, Художник, каждый из которых претендует на истинность своего пути. Отдельно В.В. Варавы ставит психотип «Человека философствующего» как единственного, кто близок к истине, поскольку «философия хранит истину как таковую, хранит ее от

---

⁹⁸Жилкина Н.В. Феномен экстремальности в творчестве: культурологический аспект: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук. – Тамбов, 2000. – С. 14.

⁹⁹Варавы В.В. Неведомый Бог философии. – М., 2013. – С.51.

человеческих представлений (идолов и кумиров), хранит ее от чрезмерных претензий на обладание, хранит ее от искажения и поругания»¹⁰⁰.

Однако для данного исследования интерес представляет то, что человеку, «зависающему» «над бездной ужаса и хаоса, ежесекундно ниспровергающей все его разумные и добрые устремления и построения» «мало просто жить, ему нужно для чего-то жить, оправдывая свое существование»¹⁰¹. Таким образом, именно потребность в освобождении от своей беспомощности и обреченности провоцирует человека на активную преобразовательную деятельность, он оправдывает свое существование, переходя границу, отделяющую возможное от невозможного.

Человек больше не скован рамками, которые, казалось бы, преодолеть невозможно. Хотя все законы, по которым человек живет, остаются в действии, в творчестве осуществляется антропологическая трансгрессия, непреодолимые препятствия и непреходимые границы исчезают, происходит освобождение человека в той степени, в которой он сам пожелает быть свободным.

Следует обратить внимание на тот факт, что талантливая личность как человеческий индивидуум, способности которого позволяют ему быть активным преобразователем окружающей среды, испытывает сильнейшую потребность в свободе. Целесообразность своего существования связана у него с самореализацией, с запечатлением своей личности в духовной и материальной сферах. Чтобы осуществить переход из возможности в действительность, или по Аристотелю достичь энтелехии, необходимо располагать максимально широкими рамками преобразовательной деятельности.

Свободной талантливая личность может быть лишь при условии реализации своего потенциала. Гармония с собой и миром в данном случае возможна лишь при изменении окружающего мира в соответствии с собственными представлениями о правильном мироустройстве. В зависимости от степени

---

¹⁰⁰ Варава В.В. Неведомый Бог философии. – М., 2013. – С.60.

¹⁰¹ Там же, – С.51.

таланта различным является масштаб преобразований, талант в данном случае обуславливает социальную значимость достижения.

В контексте данной темы целесообразно обратиться к интерпретации термина «талант» в Библии – так талант как денежная единица, упоминается во многих притчах.

Одной из известнейших является притча о трех рабах, которые получив таланты от своего господина, по-разному распорядились полученным. Помимо явных смыслов, сводящихся к утверждению, что лишь порицания достоин человек, который, имея что-то, этим не пользуется, – «лукавый раб и ленивый», можно выявить иносказательные, так библейская фраза «зарыть талант в землю» получила новый смысл – пренебрегать своими способностями, не развивать их.

Кроме того, талант как материальная ценность и талант как выдающаяся способность, как ни парадоксально, функционально имеют одну направленность. Факт того, что материальное богатство дарит некоторую свободу, неоспорим, то же самое относится к таланту как интеллектуальному и творческому потенциалу личности. Таким образом, можно говорить о том, что удовлетворение духовных потребностей через талант как уровень способностей, свидетельствует, что путь творчества – это путь к свободе, а талант – средство, осуществляющее это движение.

В этом ракурсе талант следует понимать как возможность реализации творческого потенциала личности, что, в сущности, является выходом человека на новый уровень, на котором реализуется имманентная потребность личности в свободе.

Кроме этого, наблюдается прямо пропорциональная зависимость – чем талантливее личность, тем сильнее проявляется потребность в творчестве, то есть в освобождении от сугубо созерцательного восприятия бытия. Таким образом, у талантливой личности чрезвычайно сильно выражена потребность в свободе и имеется широкий спектр возможностей удовлетворить ее. Многочисленны примеры реализации таланта вопреки внешним обстоятельствам, однако нельзя

утверждать, что талантливая личность может самореализоваться при любых условиях.

Неоспоримо то, что отсутствие благоприятных условий является определяющим фактором в судьбе потенциального гения. Обретение свободы духа через творчество для талантливой личности является базовой потребностью, однако существует ряд факторов, без которых потенциально талантливая личность реализоваться не сможет. Если обратиться к жизнеописаниям тех, кто оставил заметный след в науке или искусстве, то следует заметить, что период формирования личности был относительно благополучным. Это период необходимого ученичества, становления мировоззрения личности, формирования человеческих качеств, который присутствует в биографиях всех талантливых личностей. Хрестоматийным является пример становления личности А.С. Пушкина. Влияние няни Арины Родионовны не только на личность поэта, но и на творчество неоспоримо. Именно «добрая подружка бедной юности» А.С. Пушкина послужила прототипом няни Татьяны из «Евгения Онегина», а сказки, рассказанные ею, стали «сказками Пушкина». Еще один факт из биографии поэта, важный с точки зрения влияния на его личность – пребывание в Царском-Сельском лицее. Таким образом, не умаляя гениальности А.С. Пушкина, можно заключить, что его личность формировалась в среде, благоприятствующей реализации природного потенциала.

Этот факт подтверждается результатами исследования культуролога Н.В. Жилкиной, так изучая влияние внешней среды на результативность творчества, она приходит к выводу, что «развитие творческих способностей и формирование творческой личности в целом требует обязательного вовлечения индивида в непрерывный творческий процесс и создания оптимальных условий деятельности»¹⁰².

В дальнейшем, когда каркас личности полностью сформирован и присутствуют все необходимые компоненты, талантливую личность отличает

---

¹⁰²Жилкина Н.В. Феномен экстремальности в творчестве: культурологический аспект: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук. – Тамбов, 2000. – С. 9.

необыкновенная целеустремленность в достижении поставленной цели. Эта особенность объясняется тем, что творчество является единственным измерением человеческого бытия, где личность может обрести свободу духа. Только в творчестве личность может быть абсолютно искренней, даже находясь в заблуждении, так как творец не может лгать себе самому. Творчество менее всего детерминировано извне, личность в этом измерении может быть максимально свободной.

Специфика человеческого бытия с философских позиций заключается в том, что состоит в соединении четырех бытийственных измерений. В первом измерении человек предстает как «мыслящая и чувствующая «вещь»¹⁰³, во втором – как «индивидуальная особь, принадлежащая к виду *Homo sapiens*»¹⁰⁴, в третьем измерении человек предстает как социально-историческое существо, категория четвертого измерения появляется в рамках средневековой теологии под названием «внутренний человек». Вне теологического контекста «внутренний человек» заключается в несводимости своего «я» к миру чувственных образов, отображающих внешний мир и эмоционально-психические переживания, а жизнь в природном или социальном космосе с ее интересами и заботами не представляется единственно возможной.

Именно «внутреннему человеку» присуща потребность в освобождении духа, в абсолютизации ценности субъективного волеизъявления. Человеческое «я», таким образом, требует пространства для утверждения своего наличия через творчество. И, естественно, чем талантливее личность, тем более значительно для нее четвертое творческое измерение бытия.

Поэтому общая особенность как научного, так и художественного творчества состоит в том, что субъект поглощенный одной из этих сфер или обеими, может мысленно полностью существовать в мире своих идей. Видимо, гений способен продуцировать разнообразные идеи в ситуации, которая не содержит предпосылок к формированию новых идей.

---

¹⁰³ Фролов И.Т. Введение в философию. – М., 2003. – С. 356.

¹⁰⁴ Там же, – С. 356.

Это объясняется тем, что потребность утверждения человеческого «я» столь сильна, что исключает наличие среды, непригодной для насыщенной внутренней жизни. Стремление уйти в свой мир может привести к тому, что человек теряет связи с реальностью. Уходя в свой фантазийный мир, гений часто игнорирует настоящую жизнь. Творчество английского художника-мистика У. Блейка, являет собой пример полной отрешенности от реальности. Именно из-за примата идеи над материей У. Блейк игнорировал нормы академического искусства и не заботился о правильности изображения. Австрийский теоретик искусства Э. Гомбрих утверждает, что источниками творчества У. Блейка были видения: «Блейк был настолько поглощен собственными видениями, что не испытывал потребности рисовать с натуры, полностью доверяясь своему внутреннему зрению»¹⁰⁵.

Современный отечественный психолог И.М. Розет, анализируя творческую деятельность в ракурсе психоанализа, сводит ее к следующему: «И подобно тому, как ребенок реализует свои желания в изобретаемых им играх, художник, по мнению фрейдистов, в своих произведениях, обычно в замаскированной форме, реализует свои стремления»¹⁰⁶.

В данном случае, акцент делается именно на неудовлетворенность субъекта реальностью, а, следовательно, отсутствие условий для гармонизации личности рассматривается как причина ухода в фантазийный мир, где личность субъекта не подконтрольна этическим нормам.

Таким образом, можно говорить о существовании такой особенности у творчества как наличие черт эскапизма. Эскапизм определяется как «уход от действительности в вымышленный, придуманный мир»¹⁰⁷.

Эскапизм характерен в одинаковой степени, как для деятелей искусства, так и науки. И если искусство оперирует образами, а образность есть главная характеристика человеческого мышления, то вполне закономерно для гения жить

---

¹⁰⁵Гомбрих Э. История искусства. – М., 1998. – С. 491.

¹⁰⁶Розет И.М. Психология фантазии: Экспериментально-теоретическое исследование внутренней закономерностей продуктивной умственной деятельности. – Мн., 1991.– С.40.

¹⁰⁷Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук. – М., 2012. –С. 14.

своим искусством. Творчество становится делом всей жизни, причем довольно часто доминирующая потребность творить не оставляет места ничему другому. Происходит переоценка ценностей, где основным мерилom является творчество.

Эту особенность талантливой личности подчеркивает русский мыслитель М.М. Бахтин, утверждая, что: «Художник и человек наивно, чаще всего механически соединены в одной личности: в творчество человек уходит на время из «житейского волнения» как в другой мир «вдохновения, звуков сладких и молитв». Что же в результате? Искусство слишком дерзко-самоуверенно, слишком патетично, ведь ему же нечего отвечать за жизнь, которая, конечно, за таким искусством не угонится. «Да и где нам, - говорит жизнь, - то, - искусство, а у нас житейская проза»¹⁰⁸.

У талантливой личности специфической формой эскапизма может стать дауншифтинг – явление, имеющее немалую историю, но совсем недавно получившее данное наименование.

Культурологи Е.Э. Сурова и С.А. Рассадина определяют дауншифтинг, как «сознательный добровольный отказ от движения по карьерной лестнице, зачастую связанный с понижением социального статуса и ухудшением материального положения, для освобождения времени досуга и посвящение его другим, не связанным с работой видам деятельности»¹⁰⁹. Следует заметить, что в данном ракурсе рассмотрения дауншифтинг представляет собой смену среды обитания с целью оптимизации условий необходимых для реализации своего «вымышленного, придуманного мира». Таким образом, отсутствие условий для претворения фантазии в действительность обуславливает появление такого явления как физическое бегство от окружающей действительности.

Первым дауншифтером можно считать древнегреческого философа Диогена Синопского. Широко известным философ стал из-за того, что жил в бочке и проповедовал отказ от социальных условностей и излишеств, бродил по многолюдным местам с фонарем со словами «ищу человека», выражая всем этим

---

¹⁰⁸Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.– С.5.

¹⁰⁹ Новые традиции. Коллективная монография. – СПб., 2009. – С.172.

презрение к существующим нормам общественной жизни. Таким образом, философ, сформировав свою систему взглядов, неукоснительно следовал ей, все больше совершенствуясь в опрощении и приближаясь к идеалу естественной, природной жизни.

Как будет видно из дальнейших примеров, потребность гармонизировать внутреннюю жизнь с внешней не подвергается контролю со стороны этики социума, талантливая личность вне зависимости от исторических условий всегда находится в поиске возможности реализовать задуманное.

Известен пример дауншифтинга классика русской литературы Л.Н. Толстого. В 80-х гг. граф Л.Н. Толстой отрекается от титула, оставляет семье имущество и углубляется в поиски истины, что приводит к разладу с семьей и предание анафеме со стороны церкви.

«Бегство» П. Гогена, предпочтение им жизни в хижине комфортабельной жизни в пригороде Парижа, вдохновило английского писателя С. Моэма на создание романа. П. Гоген является прототипом главного героя в романе С. Моэма «Луна и грош». В нем описывается простой английский брокер Чарльз Стрикленд, бросивший семью, работу и дом для того, чтобы заниматься живописью. «Он ничего не требовал от людей, разве чтобы они оставили его в покое. Стремясь к одной лишь цели, он для ее достижения готов был пожертвовать не только собою – на это способны многие, – но и другими. Он был визионер и одержимый»¹¹⁰ – пишет С. Моэм. Дауншифтинг, представляет собой, таким образом, прежде всего внешний эскапизм – физический.

Но талантливая личность может прибегнуть к духовному бегству, то есть, оставаясь в своей обычной среде, погрузиться во внутренний мир. Писатель и журналист Л.Д. Любимов в работе «Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии» приводит слова деятеля ренессанса итальянского живописца Джорджо Вазари, пишущего о великом гуманисте Возрождения Леонардо да Винчи: «Как-то отец принес домой круглый щит, переданный ему приятелем, и попросил сына [Леонардо] украсить его каким-нибудь изображением

---

¹¹⁰ Моэм С. Луна и грош. М., 2009. – С. 108.

по своему вкусу, чтобы доставить этому приятелю удовольствие. Леонардо нашел щит кривым и шероховатым, тщательно выправил и отполировал его, а затем залил гипсом. Затем он натаскал в свою уединенную комнату великое множество хамелеонов, ящериц, сверчков, змей, бабочек, омаров, летучих мышей и других причудливых животных. Вдохновившись зрелищем этих тварей и воспользовавшись обликом каждой в самых фантастических сочетаниях, он создал для украшения щита некое страшное чудовище, «которое заставил выползть из темной расщелины скалы, причем из пасти этого чудовища разливался яд, из глаз вылетал огонь, а из ноздрей – дым». Работа над щитом так увлекла Леонардо, что «по великой своей любви к искусству» он даже не замечал жуткого смрада от подыхавших животных»¹¹¹.

Но и научное творчество может быть не менее захватывающим, причем ни последствия, ни средства его не поддаются этическому анализу со стороны субъекта так, образно говоря, захваченные «красотой» физических формул ученые-физики не предвидели последствия взрыва атомной бомбы. И творчество Леонардо да Винчи также являет собой пример не всегда этичного использования своего научного гения. Некоторые исследователи приписывают ему изобретение множества орудий пыток и оружия.

Американский физик Роберт Оппенгеймер, возглавивший Манхэттенский проект – группу, создавшую атомную бомбу, узнав о разрушительной силе своего создания, пришел в ужас. И подобных примеров множество в биологии, физике, химии. Феномен гения, неумышленно совершившего зло, появился уже в античности, так изобретение легендарного зодчего Дедала губит его сына Икара: «Отец с сыном надели крылья на руки и легко понеслись... Сильно взмахнув крыльями, он [Икар] взлетел высоко под самое небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья крыльев, выпали перья и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет

---

¹¹¹ Любимов Л.Д. Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии[Электронный ресурс] // Библиотекарь.Ру. 1976.URL: <http://bibliotekar.ru/iskusstvo-europa/17.htm> (дата обращения: 12.01.2012).

больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах...»¹¹².

Об эскапизме можно говорить и тогда, когда окружающая среда абсолютно не благоприятствует творческому процессу, однако творец, уходя в свой фантазийный мир, воспринимает его как единственно реальный и действительно стоящий осмысления, а все происходящее вне этого мира становится менее значимым. Трагическим примером является творчество М. Цветаевой. Поэт-переводчик А. Лейзерович пишет: «Когда обращаешь внимание на датировку некоторых стихотворений Цветаевой, часто поражает чудовищное несоответствие между текущими обстоятельствами её жизни и их содержанием, сутью, интонацией, пафосом»¹¹³.

Таким образом, именно в творчестве заключался смысл жизни для М. Цветаевой, трагические события, которыми изобиловала ее жизнь, не смогли уничтожить желание быть поэтом. М. Цветаева принципиально не признавала себя «поэтессой», только «поэтом», как бы подчеркивая тем самым надличностную ценность своего творчества, заранее отрицая какие-либо стереотипные ограничения и возможные ассоциативные характеристики.

В контексте заявленной темы рассмотренные примеры еще раз доказывают, что процесс творчества настолько поглощает личность, что отсутствует этическая рефлексия, присущая каждой здоровой личности изначально. Творец как особое состояние человеческой личности, теряет социальную принадлежность.

Современный исследователь широкого спектра проблем морали Р.Г. Апресян считает, что «творчество в первую очередь и есть один, возможно, наиболее возвышенный из путей к наслаждению», а наслаждение в свою очередь обеспечивает «возможность автономии самоутверждения, независимого от

---

¹¹² Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. – М., 1988. – С.206-207.

¹¹³ Лейзерович А. Марина Цветаева. Античная трагедия в декорациях XX века [Электронный ресурс]//Online журнал Вестник.2001. №18. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2001/0828/koi/leyzefovich.htm>(дата обращения: 15.01.2012).

социально-статусных ролей и обязанностей, ценна возможность сбросить с себя суету каждодневности»¹¹⁴.

Свобода духа является доминирующей чертой творческой личности. Сам процесс созидания и его результат становятся сверхценностью, и все, что не касается реализации задуманного, отходит на второй план. Только то, что непосредственно связано с творческим процессом достойно внимания личности, все остальное есть препятствие на пути к единственно важной цели. Здесь личность выступает уже ни как часть социума: для нее, обретшей свободу духа, теряют актуальность не только общественные стереотипы, но также нормы, ценности, запреты.

Таким образом, как для искусства, так и для науки нет запретных тем, по крайней мере, в ракурсе теоретического осмысления. Это означает отсутствие этических барьеров на пути творца. В качестве примера можно привести необыкновенно смелую для своего времени теорию З. Фрейда. Взгляды З. Фрейда были сформулированы в то время, которое историки назвали викторианским веком Европы. Викторианское общество характеризовалось очень рациональным и моралистическим взглядом на человека. З. Фрейд шокировал и оскорбил современников, заявив, что люди, даже в младенчестве, мотивированы сексуальными и агрессивными побуждениями¹¹⁵.

Друг ученого, музыковед Макс Граф вспоминал: «Когда в какой-нибудь группе венцев кто-то вдруг случайно упомянул имя Фрейда, все начинали смеяться, как при особенно остроумной шутке. Фрейд – это самый смешной чудаки, который написал книгу о снах и выдал себя за толкователя снов. Считалось верхом безвкусицы произносить имя Фрейда в присутствии дам. Дамы краснели при первом же его упоминании»¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. – М., 1995. – С.188-189.

¹¹⁵ Баксанский О.Е. Аксиологическая революция З.Фрейда [Электронный ресурс] // Открытая библиотека научных сборников по гуманитарным дисциплинам. 2010.

URL:http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=925:2010-07-06-05-40-18&catid=68:2010-07-06-05-20-38&Itemid=200 (дата обращения: 15.02.2012).

¹¹⁶ Бернаскони Е. Зигмунд Фрейд, исследователь душ: Лицо века // Эхо планеты. –1998. –№6. – С.24-25.

Более того, если рассмотренный пример иллюстрирует пренебрежение общественными нормами морали, то, обращаясь к истории медицины, можно найти немало примеров, когда ученые проводили опасные эксперименты на себе, что доказывает субъективную сверхценность творческой деятельности, даже по отношению к инстинкту самосохранения.

В истории культуры один из первых, кто поставил ценность познания выше ценности жизни, был древнегреческий философ Сократ. Он не только не отрекся от своих воззрений, но и, приняв яд, анализировал процесс умирания с позиций научного познания. «Сократ не хочет, да и не может заискивать перед жизнью и изменить тому духу, которому он был всегда верен и который придавал ей столь высокую цену. Поэтому Сократ, не давая места сомнению, делает свободный выбор, оставаясь верным вещему голосу своего гения, своей совести»¹¹⁷. Таким образом, можно утверждать, что степень поглощенности личности миром собственного волеизъявления настолько высока, что для творца на данный момент все общественные и личностные интересы утрачиваются. Творец отдает приоритет новому измерению, центром которого и является творчество.

Можно предположить, что объяснение этому феномену кроется в специфической темпоральной направленности любого творчества, ведь новое в любой области – это всегда шаг в будущее, поэтому творец пренебрегает настоящим. Этот вывод подтверждает К.Э. Циолковский: «Основной мотив моей жизни – сделать что-нибудь полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хотя бы немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы. Но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, в далеком будущем дадут обществу горы хлеба и бездну могущества»¹¹⁸.

---

¹¹⁷ Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. – М., 2003. – С. 7-8.

¹¹⁸ Ферсман А.Е. Константин Эдуардович Циолковский// Техника-молодежи.– 1963.– №3.–С.9.

Далекое будущее, вот определение того момента, который мыслится значимым для творца. Здесь можно говорить о наличии личностно неосознанного преобразующего устремления выхода за рамки возможного.

Особую значимость в этом контексте приобретает популярная фраза из жизнеописания какого-нибудь гения – «он опередил свое время». Ведь, действительно, творческий процесс есть движение вперед и, подобно любой эволюционной прогрессивной силе, абсолютно безразличен к сегодняшнему дню, и, как любой природный процесс, находится вне поля этики. Творческий процесс протекает в измерении, абсолютно автономном по отношению к сегодняшним интересам человека и общества.

Талантливая личность через творчество пытается преобразовать окружающий мир, согласуясь только с собственными соображениями о добре и зле. Творчество есть единственная возможность проявить свое волеизъявление, не цензурируя его извне. Причем, стоит особо отметить, что творчество это самая искренняя форма самоизъяснения, в этой сфере нет места ни цензуре, ни фальши. Талантливая личность, оказавшаяся перед нравственным выбором, делает выбор не в пользу добра или зла, выбор здесь обусловлен субъективным пониманием добра. Каждый талантливый человек осознает свою исключительность, это осознание обуславливает появление вопроса о том, насколько она свободна в своем творчестве. Появляется дилемма: обрести свободу духа, руководствуясь только собственными представлениями о добре и зле в творческом волеизъявлении или руководствоваться принципами высокой духовности, видя призвание творца в облагораживании действительности.

Термины «дух» и «духовность» этимологически бесспорно родственны, оба термина относятся к нематериальной сфере личностного бытия. Однако, следует отметить, что интерпретация термина дух допускает его автономность от нравственной детерминированности

В данном случае, можно говорить о том, что дух строго не детерминирован нравственными законами, что свобода духа подразумевает независимость от

общепринятых представлений о добре и зле. Здесь нравственная доминанта носит субъективный характер.

В этом контексте термин «духовность» отделяется от термина «дух», становясь тождественной нравственности. Исходя из этого, можно бы было смело утверждать, что такие понятия как «свобода духа» и «духовность» представляют собой два полюса, где реализация таланта, то есть творчество, выступает, либо как абсолютно нецензурируемая сфера, либо как сфера, детерминированная высокими нравственными принципами.

Но творческих людей невозможно разделить на тех, кто, реализуя свой талант, обретал свободу духа и тех, кто «наступал на горло собственной песне», делая что-то во имя долга. Невозможно не веря в «правильность» своих идей, пропагандировать их своим творчеством. В истории найдется немало примеров, когда невозможность творить вопреки личному волеизъявлению приводило к трагедии. «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено», и далее «жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл»¹¹⁹, – эти строки из предсмертной записки советского прозаика А.А. Фадеева, свидетельствуют, о том, что творчество – это сфера в которой нет места лицемерию.

Поэтому квалифицируя творчество как достижение свободы духа или как воплощение духовности, следует утверждать, что творец в любом случае опирался на свое собственное понимание добра. Дилемма талантливой личности: свобода духа или духовность – существует только отстраненно, для тех, кто оценивает то или иное произведение или достижение творца. Для субъекта творчества такой дилеммы нет, какое бы выражение не находила бы его идея, она имманентно была ориентирована на благо.

---

¹¹⁹ Фадеев А.А. Предсмертное письмо Фадеева в ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. –1990.– № 10. – С. 147-151.

2.2. Нравственные доминанты творчества талантливой личности

Талантливая личность самоосуществляясь привносит личностный компонент в окружающую среду, который характеризуется социальной значимостью и оценивается ею как безусловно положительный. Объективная ценность достижения, не предполагающая моральной оценки, означает, что привнесенный компонент расширяет границы познания, дает истинное представление о предмете, обнаруживает закономерности природного или социального мира. В результате этико-философской рефлексии определяется субъективная нравственная ценность, зависящая от итога сопоставления этической направленности достижения с категориями добра и зла конкретным субъектом познания. Объектом познания здесь выступает личностная нравственность талантливой личности, степень ее совершенства. Личностная нравственность определяется в данном контексте, по ницшеанской традиции, как система этических представлений, определяющих индивидуальное поведение.

Данная система сопоставляется с «гуманистической» интерпретацией морального идеала, согласно которому высшей ценностью является человек.

Каждый из элементов самоосуществления талантливой личности: цель, средства, дальнейшая судьба, личностные качества – подвергается этической рефлексии. В результате чего обнаруживается явная антиномичность между положительной оценкой прорыва за пределы известного и моральным отторжением покушения на нравственные ценности.

Очевидно, что «система норм индивидуального поведения» в исключительной степени субъективно детерминирована, личностное представление о добре и зле определяет эту систему. О.Г. Дробницкий так охарактеризовал относительность личностной нравственности: «в самой природе человека (стремление к счастью и страх перед невзгодами) и в его рассудке (расчет на достижение благоприятного результата) не может быть основания подлинной нравственности»¹²⁰.

---

¹²⁰Дробницкий О.Г. Моральная философия. – М, 2002. – С.46-47.

Философская традиция, согласно которой «мораль есть абсолютная точка отсчета, задающая координаты осмысления человеческого поведения»¹²¹ получила концептуальное завершение в учении И. Канта. Именно использование этой этической установки порождает то логическое противоречие, которое приводит к когнитивному диссонансу при этической рефлексии талантливой личности.

Талантливая личность как индивидуум, способный на социально значимые достижения, априорно воспринимается как высокоморальный субъект. Однако отсутствие обусловленности между талантом и личностной этикой, свидетельствует, что личностная этика носит настолько субъективный характер, что «осуществляя последний итоговый контроль над всеми прочими мотивами с точки зрения того, могут ли они сверх того, что они являются прагматически эффективными, считаться еще и морально достойными», допускает искажение самого понятия морали¹²².

Эта этико-философская антиномичность восходит к кантовской антиномии как противоречию, возникающему вследствие абсолютизации морали. Именно отсюда рождаются мнимо основательные теории о высокой нравственности одаренного индивидуума, о необходимости «нравственных послаблений» для творческих людей.

Хотя И. Кант использовал понятие антиномии при объяснении непостижимости для человеческого разума таких категорий как пространство, время, материя, талантливая личность оказалась не менее недостижимой для исследования в рамках традиционных представлений о творческой самореализации как, безусловно, нравственном явлении.

Отказ от догматического постулата, согласно которому талантливая личность обладает уровнем личностной этики, который имманентно совершеннее общественно необходимого минимума, позволит в значительной степени расширить знание о номене талантливой личности.

---

¹²¹Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали// Вопросы философии. – 2003. – №3. – С.3.

¹²² Там же, – С.5.

Именно относительность индивидуальной нравственности обуславливает этико-философскую антиномичность талантливой личности. Специфика понятия «антиномичность» заключается в том, что антиномические «противоположности предстают гармоническими, питающими, а не «пожирающими» друг друга, как в случае с антагонистическими противоречиями. Они необходимы друг для друга, как два конца натянутого лука или лиры, напряжение между которыми и рождает, перефразируя Гераклита, гармонию орудия смерти и жизни»¹²³.

В данном контексте под антиномичностью следует понимать неустранимое логическое противоречие, которое является следствием диалектического характера онтогенеза морали талантливой личности: «развитие одаренности, как и развитие характера, идет диалектически и движется противоречием»¹²⁴.

Для талантливой личности как активного субъекта культурогенеза ситуация усугубляется перманентным эмоциональным напряжением, которое вызвано бесконечным стремлением к самоосуществлению. Этот фактор обуславливает актуальность антиномичности именно для высокоодаренного индивидуума: способность к генерированию нового усиливает тенденцию к продуцированию максимально субъективистских моральных ценностей. Личностная нравственность талантливой личности есть «полагание самой воли, противостоящей внешне объективной действительности, нечто субъективное и свободное в отличие от какой-либо детерминации извне»¹²⁵.

В русском философском наследии существует теория, утверждающая взаимообусловленность таланта и анархических черт личности, тяготеющих к нарушению нравственных норм.

В своей концепции типов человеческого сознания Ф.А. Степун доказал зависимость между появлением типа морально свободной «артистической души» и специфическим периодом истории. Русский философ не случайно избегает

---

¹²³ Матвеев П.Е. Моральные ценности. – Владимир, 2004. – С.144.

¹²⁴ Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. – М., 1983. – С.161.

¹²⁵ Дробницкий О.Г. Моральная философия. – М, 2002. – С.88.

понятия «талантливая личность», заменяя его имманентно нравственно нестабильной «артистической душой», утверждая, таким образом, что у этого субъекта истории характерной чертой является существование вне морали, в специфическом театрализованном мире.

Изначально, по Ф.А. Степуну, человек достигнув определенного этапа развития, окончательно выйдя из природного состояния, обладает «многодушием». «Каждый человек, осознающий себя на достаточной глубине, – пишет Степун, – неизбежно сознает себя в раздвоении. Каждый «...» дан себе как хаос и задан себе как космос... «...» Благодаря такому раздвоению своего бытия и сознания, человек неизбежно изживает свою жизнь как борьбу с самим собой за себя самого»¹²⁶.

Исследователь творческого наследия Ф.А. Степуна и его приемник в этом вопросе В. Кантор пишет, что «сложность и хаотичность внутреннего мира человека – расплата за обретенную им возможность свободы. Появление самосознающей личности есть первый шаг к исторической жизни»¹²⁷.

На этом этапе, по Ф.А. Степуну, возможно формирование трех типов сознания, путей преодоления «многодушия»: мещанский, мистический и артистический.

Первый тип сознания «сводится к погашению в человеке всякой борьбы, к уничтожению в нем всякого раздвоения путем атрофии в его груди всех душ, кроме одной, житейски наиболее удобной, практически наиболее стойкой»¹²⁸. Второй тип сознания предполагает «священную пассивность и духовную нищету», поэтому «мистический строй души враждебен творчеству»¹²⁹. Таким образом, только «артистическая душа» способствует самореализации личности: «Основная черта артистического душевного строя – страстная любовь к творчеству, предопределенность к нему. ... Радость артистической души – богатство ее многодушия, страдание артистической души – невоплотимость этого

¹²⁶Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992. – С. 40.

¹²⁷ Кантор В. Артистическая эпоха и ее последствия / В. Кантор // Вопросы литературы. – 1997. – № 2. – С.124-165.

¹²⁸Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992. –С. 42.

¹²⁹Там же, – С. 45.

богатства в творческом жесте жизни»¹³⁰. Но эта невоплотимость побуждает вроде бы все к новым и новым творческим деяниям, ибо «артистизм – предельное утверждение многодушия»¹³¹.

Появлению «артистической души», согласно Ф.А. Степуну, способствуют атмосфера духовного подъема, активизация центробежных идеологических течений, носящих революционный характер, радикальные социокультурные преобразования. Именно такие внешние условия необходимы, чтобы на авансцену истории вышла «артистическая душа», как это произошло, по мнению Ф.А. Степуна, в эпоху «серебряного века».

Таким образом, Ф.А. Степун детерминирует самореализующуюся талантливую личность историческим контекстом, абсолютизируя ее зависимость от внешних условий.

Касательно этического аспекта бытия «артистической души», то в этом вопросе Ф.А. Степун утверждает нравственную нестабильность как ее неотъемлемую характеристику при отсутствии реализации творческого потенциала в должной мере: «Нет сомнения, что вне выхода в творчество артистический путь до конца сливается с путем катастрофическим, превращаясь из специфической формы разрешения многодушия в единодушие, в удушение души на безысходных путях многодушия»¹³².

Кроме того, даже наличие творческой самореализации «артистической души» не гарантирует постоянство и адекватность ее этических установок. По Ф.А. Степуну, «организованная социальная жизнь неизбежно требует учитываемости всех поступков своих членов. Но подлинный актер – существо не учитываемое; в его душе всегда слышен глухой анархический гул. Ему часто свойственна высшая нравственность, но всегда чужд устойчивый морализм»¹³³.

Таким образом, согласно концепции типов человеческого сознания Ф.А. Степуна, «артистическая душа» не просто не обязывает личность быть

---

¹³⁰ Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992., С. 48.

¹³¹ Там же, С. 48.

¹³² Там же, С. 56.

¹³³ Степун Ф. Встречи и размышления. – London, 1992. – С. 67.

моральной, а наоборот ее «глухой анархический гул», лишаящий ее растворенности в Боге и мешающий погрязнуть в житейских делах, толкает на путь всевозможных нарушений норм в сфере искусства, социального бытия и морали.

Изучением исторической взаимообусловленности крайнего индивидуализма и моральной вседозволенности занимался русский философ А.Ф. Лосев. В процессе этической рефлексии антропоцентризма эпохи Возрождения А.Ф. Лосевым обнаруживается «обратная сторона титанизма» как результата безудержного самоутверждения человеческого всемогущества¹³⁴.

Таким образом, порывая с нормами и запретами, ценя только свою самодовлеющую самость, появляется «обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики»¹³⁵.

Философ утверждает, что этот «беспринципный артистизм» есть неизбежное следствие «артистически функционирующего человеческого индивидуума со всеми своими небесными упованиями и земной ограниченностью»¹³⁶. И, естественно, лучшей иллюстрацией этого следствия становится этико-философская антиномичность личности Леонардо да Винчи: «То он угодник сильных и властных людей, то он презирает их до глубины души, то он вечно носитя со своим Я, приближаясь к какому-то самообожествлению, а то он чувствует всю пустоту своих жизненных стремлений и доходит до полного отчаяния»¹³⁷.

А.Ф. Лосев утверждает тупиковость абсолютизации изолированной личности, так итогом отказа от общечеловеческих ограничений явится ее распад и

---

¹³⁴ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М., 1998. – С. 120.

¹³⁵ Там же, – С. 120.

¹³⁶ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М., 1998. – С.89.

¹³⁷ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М., 1998., – С.423.

превращение «в хаос дискретных друг по отношению к другу и уже безличных элементов»¹³⁸.

А.Ф. Лосев обращается к стихотворению Микеланджело Буонарроти, которое, по мнению философа, стало квинтэссенцией трагизма возрожденческой личности как существа с неограниченными способностями, однако не видящего своих связей с Богом и остальным человечеством: «Есть исполин: он ростом столь высок; но все же неба тронуть он не смог», ... ведь «один есть зрак – и тот лишь пятке дан, он видит то, что ползает в пыли, а теменем равняется с звездами»¹³⁹.

Очевидно, что этико-философская рефлексия высокоодаренной личности, слышащей «глухой анархический гул», восходит к теории сверхчеловека Ф. Ницше. «Ницшеанский сверхчеловек не приемлет императивности морали, он сам себе закон, у него нет другого долга, кроме собственной воли к власти»¹⁴⁰, его счастье составляет «чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия»¹⁴¹.

Становится ясно, что обвинения Ф. Ницше христианства в проповедовании аномального для сверхчеловека сострадания, сводимы к попытке отстоять личностную ответственность, отрицанию всяких попыток оправдания.

Очевидно, что, по мнению Ф. Ницше, христианство утверждением человеческого несовершенства открыло путь к всепрощению, сделало возможным снятие ответственности. Религия как связь с Богом, избавляет человека от онтологического одиночества, оставляя его в состоянии нравственного детства с всепрощающим всемилостивым родителем. Ницшеанский сверхчеловек, отвергая божественную опеку, стремится к тому, чтобы во всей полноте ощутить ответственность, остаться один на один с абсолютными категориями этики, не уповая ни на милосердие, ни на всепрощение.

---

¹³⁸ Там же, – С.425.

¹³⁹ Эфрос А.М. Поэзия Микеланджело. [Электронный ресурс] // RoyallLib.ru. 2010-2014. URL: http://royallib.ru/book/mikelandgelo_bonarroti/poeziya_mikelandgelo_v_perevode_a_m_efrosa.html (дата обращения: 15.05.2014).

¹⁴⁰ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.,1990. – С. 59.

¹⁴¹ Там же, – С.633.

Христианская мораль, по Ф. Ницше «в конце концов, обращается против своего же Бога»¹⁴², возвращая не одухотворенную, бесконечно эволюционирующую личность, а «стадное животное»:¹⁴³ «Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя, преступника – но это и есть созидатель»¹⁴⁴.

Эта мораль нивелировала необходимость естественного отбора, утвердив праведность жизни вне борьбы как способа достижения совершенства. Именно это Ф. Ницше вменяет в вину христианской морали: Бог, воспринимаемый как родитель, не является достаточным основанием для подлинной нравственности, поскольку минимизирует личностную ответственность индивидуума.

Для Ф. Ницше недостаточно послушания и раскаяния, только единоличная ответственность сильной, самодостаточной личности есть основа нравственности. Немецкий философ, утверждает иррациональность как имманентное качество сильной личности, ее недостижимость для любой интерпретации: «нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду»¹⁴⁵.

Ницшеанский сверхчеловек, совершенствующийся в вечной борьбе и преодолении, родственен другому философскому образу, символу вечного бунта Сизифу А. Камю.

Французский философ понимал бунт как неотъемлемую часть любого прогрессивного преобразовательного действия: «Бунт – это протест против бессмысленности мира и подавляющей силы обстоятельств, это требование ясности и порядка. Бунт придает жизни ценность, являясь выражением презрения к собственной судьбе и актом борьбы воли с превосходящей ее реальностью. Бунт свидетельствует о наличии свободы в мире и о величии человеческого духа»¹⁴⁶.

Таким образом, А. Камю утверждает ценность личностной субъективности как единственно возможного пути к самоосуществлению в мире. Без разрушения

---

¹⁴² Ницше Ф. Воля к власти. – М., 2005. – С.29.

¹⁴³ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2.– М.,1990.– С.290.

¹⁴⁴ Там же, С.16.

¹⁴⁵ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2.– М.,1990.– С.11.

¹⁴⁶ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990. – С.105.

нет развития – постулат А. Камю, актуальный для личностного бунта в форме оспаривания ценностей, протеста против исторической участи человечества или преодоления существующих традиций в науке и искусстве.

Именно талантливая личность, для которой «одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце»¹⁴⁷, становится Сизифом А. Камю. Этот вывод подтверждается описанием труда Сизифа: «Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень науки с измазанными землей ладонями»¹⁴⁸. Очевидно, что согласно А. Камю, бунт не просто неотделим от творчества, оно само по себе бунтарство.

Обязательная триада самоосуществляющейся личности, по А. Камю: «презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить»¹⁴⁹, дает право утверждать, что Сизиф А. Камю, сверхчеловек Ф. Ницше, «беспринципный артистизм» А.Ф. Лосева, «артистическая душа» Ф.А. Степуна имеют один и тот же прототип – исключительную личность творца, чьи преобразовательные возможности не имеют внеличностных этических границ.

Следует заметить, что жизнь и творчество великих людей всегда вызывали неподдельный интерес современников и потомков. Биография стала особым литературным жанром, который посвящен выявлению уникальных особенностей жизненного пути талантливой личности. Наличие жизнеописания, когда кто-то вдохновленный достижениями личности пытается проанализировать ее жизненный путь, само по себе является своеобразным доказательством способности данной личности на социально значимые достижения. Описание и анализ бытового, исторического и социального контекста творчества талантливой

---

¹⁴⁷ Там же, – С.92.

¹⁴⁸ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М., 1990. – С.90.

¹⁴⁹ Там же.

личности приподнимает завесу таинственности, которая всегда сопровождает образ творца.

Социально значимые достижения в некотором смысле представляются чудом, наделяя своего создателя уникальными способностями, поскольку любой, кто не является автором социально значимого достижения, соотнося себя с «нормальным» человеком, видит в гениальном ученом или художнике аномальность. По фактам биографии как «человеческим» параметрам, «нормальный» человек пытается понять, в чем заключается уникальность внутренних и внешних условий жизни гения.

Таким образом, к биографиям великих интерес никогда не иссякнет, можно сказать, что имя, оставшееся в истории, обладает особой силой притяжения, а факты из жизни наделяются особым значением.

Однако сами талантливые личности призывают внимательнее относиться к наследию, которому предназначалось быть обнародованным, то есть непосредственно к творениям. Гений русской словесности А.С. Пушкин в интересе к биографии известной персоны, в частности, к биографии Дж. Г. Байрона усматривал проявление низменных сторон человеческой природы. В ставшем широко известным письме своему другу, поэту П.А. Вяземскому, А.С. Пушкин негативно отозвался о тех, кому была интересна личная жизнь английского поэта: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, неволью, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо – а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением... Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении»¹⁵⁰.

---

¹⁵⁰ Пушкин А.С. Собр. соч., т. 10. – М., 1966. – С.190.

Из этих слов можно понять, что интерес к биографии талантливой личности сводится к поиску нелицеприятных фактов, и представляет собой, по сути, попытку нивелировать собственный комплекс неполноценности.

Однако, возможно, что не так плохо желание знать талантливого человека не просто как автора гениальных открытий и произведений искусства, как лишенную всех «человеческих» параметров абстракцию, а как живого человека. Личностный и социальный аспекты творчества могут способствовать пониманию его результата. Кроме того, такой всесторонний интерес талантливая личность может представлять в случае, если индивидуум видит в этой личности идеал, и, узнавая новое о своем кумире, в некотором смысле приближается к нему. Ведь не только достижение в науке или искусстве талантливой личности может быть социально значимым.

Целостное восприятие личностного и творческого начал, подход на котором настаивает М.М. Бахтин: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. Не только понести взаимную ответственность должны жизнь и искусство, но и вину друг за друга. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду ее жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности»¹⁵¹.

История мировой культуры знает немало примеров, когда великие деятели науки или искусства внесли значительный вклад в гуманизацию общества и общественных отношений, провозглашали идеи человеколюбия и занимались благотворительностью. Однако, как показывает опыт осмысления темы совместимости «гения» и «злодейства», абсолютно правомерно ответить утвердительно на пушкинский вопрос. Но следует прояснить несколько важных

---

¹⁵¹Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.– С.5.

моментов с целью установления смысловой однозначности рассматриваемых явлений. Для этого необходимо дифференцировать «злодейство», проанализировать конкретное содержание этого понятия. Абсолютным синонимом «злодейства» является «злодеяние», отличие данных понятий заключается в стилистической окраске. «Злодеяние» в наиболее общем смысле дифференцируется как: действие, против требований нравственности, попирающее принципы гуманности и справедливости. Таким образом, к злодеянию можно отнести всю совокупность нарушений культурных норм, любое пренебрежение нормой из широкого спектра от неписаных правил поведения до юридических законов. Поэтому исследование этического аспекта реализации таланта, в частности этические парадоксы талантливой личности, следует осуществлять при наличии четких ориентиров, относительно того, что считать злодеянием, сочетание с которым таланта парадоксально.

Часто, чтобы «спустить на землю», подчеркнуть несовершенство талантливой личности, говорят о не самых приятных чертах характера, болезненных пристрастиях или о каких-либо поведенческих особенностях. Однако то, что Н.В. Гоголь был мнителен и меланхоличен, Э.А. По страдал от депрессий и алкоголизма, Ф. Шопен был тщеславен и высокомерен, а А.С. Пушкин был бретером и любителем карт, никак не доказывает, что гений и злодейство совместимы, такой подход свидетельствует о дилетантизме.

Бесспорно, тонка грань между таким понятием как человеческие слабости и злодейство – при некотором стечении обстоятельств даже нейтрально этически окрашенная черта характера может породит злодейство. Поэтому в данном исследовании этической рефлексии следует подвергать не увлечения, фобии или привычки, а конкретные поступки талантливого человека.

Помимо этого актуальным представляется тема, касающаяся целесообразности этической рефлексии сфер жизни талантливой личности, не связанных непосредственно с творчеством. Необходимость исследования перечисленных аспектов заключается в потребности раскрытия механизмов взаимодействия в масштабе личности таланта и его этической составляющей.

Этическая составляющая в данном случае понимается как совокупность индивидуальных ценностных ориентиров, порожденная социумом и зависимая от него. Фактом внешней детерминированности и объясняется этическая поливариативность индивидуумов, неповторимость условий онтогенеза обеспечивает каждую личность уникальной этической составляющей.

Таким образом, релятивность этической составляющей делает возможным этические парадоксы, когда макиавеллевский принцип «цель оправдывает средства» применим по отношению к созданию произведения искусства, проникнутого гуманистическим пафосом.

До настоящего момента нет единого мнения о целесообразности и допустимости гибели животных в кинематографе. Как гарантия этического отношения к животным в титрах нередко появляется ремарка: «При съемках фильма ни одно животное не пострадало». Хотя, безусловно, к большинству тех, для кого этическая рефлексия является профессиональной обязанностью, как и к среднестатистическому обывателю, применимы слова, адресованные европейским мыслителем А. Швейцером: «Подобно аккуратной хозяйке, которая убрав комнату, закрывает дверь, заботясь о том, чтобы в комнату не вошла собака и не испачкала лапами чистый пол, европейские мыслители тщательно следят за тем, чтобы в их этику не пробрались никакие звери. Упорство, которое они проявляют, стремясь узаконить и возвести в принцип традиционное бездушие, граничит с нелепостью»¹⁵². Это выражается в том, что в стремлении проиллюстрировать ужасный натурализм войны, кинематографистами этически игнорируется факт гибели животных в процессе создания фильма. Данное явление демонстрирует относительность этических ориентиров, их прямую зависимость от социума. Когда общество не готово принять данную этику в силу каких-то причин, даже концептуальная база не делает новые ценностные ориентиры жизнеспособными, поскольку они не соответствуют установленному социальному порядку. Так А. Швейцер, известный своим «благоговением перед жизнью», считавший, что «чистая совесть – это изобретение дьявола», оказался слишком утопичным и

---

¹⁵²Швейцер А. Культура и этика. – М., 1973. – С.294.

далеким от жизни. На современном этапе воплотить в жизнь его этические ориентиры не представляется возможным, поскольку человечество осуществляет свою жизнедеятельность путем эксплуатации природы.

Невозможность применения этического учения А. Швейцера объясняется также тем, что нормальное существование человеческого индивида обуславливается имеющимся на бессознательном уровне механизмом фильтрации деструктивных эмоций. Данный механизм обеспечивает игнорирование негативной информации из внешнего мира, блокируя тем самым этическую рефлексию и связанные с ней негативные эмоции. Индивидуален порог нравственного отторжения, момент, когда запускается этот защитный механизм. Однако, несмотря на то, что целью его является охрана психического здоровья, по А. Швейцеру, постоянное пребывание в состоянии психической гармонии, то есть покое – безнравственно.

Великий гуманист утверждает необходимость постоянной этической рефлексии происходящего, беспрестанную работу над собой и над миром, целью которой является оптимизация существования всего живого. Тем самым провозглашается правильность повышенной чувствительности к нарушению принципа гуманизма: чем ниже порог этой чувствительности, тем выше нравственность субъекта. Безусловно, параметры данной планки детерминированы степенью социальности человека, то есть, чем больше число ситуаций может вызвать жалость, тем человечнее человек.

Помимо кинематографа, принципу «цель оправдывает средства» следовал известный живописец В.И. Суриков при создании полотна «Боярыня Морозова». Автор произведения реалистической живописи, провозглашавшего гуманистические принципы, нарушал их в процессе создания картины. Известно как В.И. Суриков писал образ юродивого: «А Юродивого я на толкучке нашел, – рассказывал Суриков. – Огурцами он там торговал. Вижу – он. Такой вот череп у таких людей бывает... Я его на снегу так и писал. Водки ему дали водкой ноги натер... Он в одной холщовой рубахе у меня на снегу сидел... Я ему три рубля дал. Это для него большие деньги были. А он первым делом лихача за рубль семьдесят

пять копеек нанял. Вот какой человек был»¹⁵³. Таким образом, великий живописец старался уже при создании этюда приблизить модель к воображаемому персонажу. Известно, что В.И. Суриков для того, чтобы достоверно изобразить снег использовал следующий метод: «Я все за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют, на раскатах особенно. Как снег глубокий выпадет, попросишь во дворе на розвальнях проехать, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать. И чувствуешь здесь всю бедность красок... А на снегу все пропитано светом. Все в рефлексах лиловых и розовых»¹⁵⁴. Проанализировав приведенные высказывания, можно сделать лишь один вывод: релятивизм общественной и личностной нравственности обусловил возможность тождественного восприятия человеческого индивидуума и явления природы как объектов творческого осмысления.

При сопоставлении содержания и методов присутствует несоответствие, как будто бы автора произведения должно было остановить несовместимость цели и средств. Однако этико-философская антиномичность талантливой личности делает возможными подобные парадоксы.

Чрезвычайно сложна структура генезиса нравственности, так согласно американскому психологу Л. Колбергу этот процесс состоит из трех уровней и шести стадий, это дает возможность классифицировать личностную нравственность, допускающую оправдание целью любых средств, как не достигшую нравственного совершенства, то есть шестой стадии (более точная классификация невозможна, поскольку этической рефлексии подвергается только один поступок).

Другое, не менее актуальное направление исследования этических парадоксов талантливой личности, касается этической рефлексии поступков талантливой личности, не связанные с творчеством. Только совокупный анализ социально значимых творческих достижений и «человеческих» параметров

---

¹⁵³ Чугунов Г. Боярыня Морозова // Юный художник. – 1983. – №2. – С.41.

¹⁵⁴ Там же, – С.43.

талантливой личности позволит всесторонне исследовать взаимоотношения таланта и личностной нравственности.

Хрестоматийный пример несоответствия бытия провозглашаемым идеям содержится в биографии Ж.-Ж. Руссо. Семейное неблагополучие, апофеозом которого было то, что великий педагог отдал своих пятерых детей в воспитательный дом, в дальнейшем стало притчей во языцех.

П. Пикассо, создавая живописные шедевры, посвященные помимо всего прочего воспеванию женской красоты, был явно не самым благородным человеком по отношению к своей жене и сыну. Обретя новую музу, П. Пикассо изображает некогда любимую жену на своих полотнах уже в образе лошади. Известно, что П. Пикассо любил рассказывать о французском художнике Бернаре де Палиси, который при отсутствии дров, для поддержания огня в печи бросал свою мебель. Великий испанский художник «уверял, что бросил бы в огонь и жену, и детей, только бы не угас его творческий пламень!»¹⁵⁵.

Следует заметить, что подобные факты биографии являются не исключением. Здесь уместнее говорить не об этических парадоксах талантливой личности, а об антиномичности личностной нравственности вообще.

Рассмотренные примеры как факты биографии распространены, поэтому парадоксальность их относительна. Для личности, неспособной на социально значимые достижения, данные явления квалифицируются как норма. Однако в контексте талантливой личности, где восприятие требует из-за наличия высочайших достижений в науке или искусстве столь же необыкновенно высокую планку «человеческих» параметров, появляется парадоксальность.

Особого осмысления заслуживает этическая составляющая талантливой личности, реализующей себя в научной деятельности. Наука имеет практическую направленность, так как итогом научной деятельности является внедрение и использование ее результата. От научного достижения требуется объективность, в этой сфере нет места поливариантным толкованиям и субъективным видениям.

---

¹⁵⁵ Арсеньева Е. Обитатели разных планет (Пабло Пикассо – Ольга Хохлова) [Электронный ресурс] // Электронная Библиотека LITMIR.net. 2005. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=31768&p=6> (дата обращения: 23.05.2012).

Однако в истории научной мысли немало примеров, когда социокультурные факторы, повлияли на мировоззрение ученого, и как следствие привели его к ложным умозаключениям. Жозеф Артюр де Гобино в книге «Опыт о неравенстве человеческих рас» изложил теорию расового неравенства, основываясь лишь на своих элитистских идеях о расовых смещениях как причинах гибели цивилизаций. Теория расового неравенства легла в основу идеологии нацизма, но, естественно, Жозефа Артюра де Гобино нельзя обвинять в распространении ненаучных и антигуманных идей. Трагические последствия Первой мировой войны подготовили благодатную почву для того, что бы идеи нацизма, сформулированные еще в XIX веке, стали созвучны настроению масс.

Также не научны умозаключения, к которым приходит Отто Вейнинггер в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование». В процессе исследования австрийский философ отказывает представительницам женского пола не только в гениальности, но и в способности созидать вообще, утверждая, что у женщин, как и у евреев, примитивная модель сознания: «кантовский разум, по-видимому, в одинаковой степени отсутствует как у еврея, так и у женщины»¹⁵⁶.

Рассмотренные случаи нельзя отнести к невинным заблуждениям, поскольку четко прослеживается зависимость суждений от личного жизненного опыта, социальных условий формирования мировоззрения. Таким образом, можно говорить о спекулировании разрозненными фактами для доказательства лженаучных учений.

Однако в рассматриваемых примерах на теоретиках различных видов шовинизма лежит лишь косвенная вина. Теории, основанные на спекулировании фактами, имели, условно говоря, «научную ценность» в специфических социальных условиях.

У научного достижения, именуемого таким по праву, прямых негативных последствий быть не может. Научное достижение по своей сути абсолютно этически нейтрально. Этичность его применения детерминирована индивидуальными представлениями о добре и зле. В истории мировой культуры

---

¹⁵⁶Вейнинггер О. Пол и характер. – М., 1997. – С.178.

имеют место факты использования одного и того же изобретения в диаметрально противоположных целях. Общеизвестна этическая амбивалентность достижений и открытий человеческого разума: орудия и оружие, колесо и письменность, огонь и электричество – вся эта совокупность создала современный мир, однако за это пришлось заплатить определенную цену, поскольку эти составляющие прогресса не всегда использовались во благо.

Но в данном случае речь идет не столько об изобретении, сколько о его дальнейшей судьбе, поэтому ответственность в данном случае лежит не на конкретной талантливой персоналии, а на тех, кто имел возможность его использовать.

Так ряд открытий в области генетики и дальнейшая работа в этом направлении позволили говорить о возможности клонировать человека. И, естественно, открытие швейцарским физиологом Фридрихом Мишером ДНК в XIX веке не делает его ответственным за результат и последствия современных разработок в этой области. Любая научная деятельность – продолжение коллективного труда, поэтому выявить какой конкретно ученый нарушил этическую норму достаточно сложно. Нередко даже самый талантливый ученый не в силах предугадать последствия и результаты своей работы. Исследованием явления радиоактивности М. Кюри-Склодовская обессмертила свое имя в истории науки, однако погибла физически.

М. Кюри-Склодовская не могла предвидеть последствия своей деятельности, поскольку на тот момент о негативном влиянии радиоактивного излучения на живую ткань ничего не было известно. Очевидно, что М. Кюри-Склодовская, как великий ученый-гуманист видела реализацию своих открытий в области медицины, «обучала военных медиков применению радиологии, обнаружению с помощью рентгеновских лучей шrapнели в теле раненого»¹⁵⁷. Естественно, что свои достижения и открытия в этой области квалифицировались ученым направленными исключительно во благо.

---

¹⁵⁷Кюри Е. Мария Кюри. – М., 1976. – С.44.

Таким образом, непредсказуемость результата и дальнейшего использования является своего рода смягчающим обстоятельством. Тема ограниченности кассандровского начала в научной деятельности была осмыслена в художественной литературе.

Хрестоматийным примером является повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце», в которой блестящий хирург Ф.Ф. Преображенский, «величина мирового значения» присваивая, по мысли М.А. Булгакова, полномочия Бога приходит к плачевным результатам. Таким образом, понимание данной повести как острой политической сатиры не отменяет этой не менее значимой интерпретации, поднимающей проблемы, касающиеся ограниченности человеческих возможностей. Поэтому, несмотря на самые благостные устремления, результаты деятельности заводят в тупик профессора Ф.Ф. Преображенского и вынуждают обратить процесс вспять.

Таким образом, этические парадоксы талантливой личности имеют место, поскольку самое яркое дарование не исключает наличия человеческого фактора, а так как преобразовательные возможности у талантливой личности гораздо выше, то и последствия всегда намного серьезнее.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что автономность степени совершенства личностной этики по отношению к уровню одаренности не исключает того, что существует специфический талант к созиданию общественно значимых ценностей, сферой приложения которого является исключительно этическая проблематика.

Нравственно ориентированное личностное развитие есть специфический талант, который явился центральным объектом исследования в этико-философских концепциях крупнейших мыслителей XX века.

Русский религиозный философ Н.А. Бердяев, видевший в творчестве человека осуществление божественного замысла, создал оригинальную концепцию, отражающую заявленную проблематику. Главное, что необходимо учесть при анализе концепции Н.А. Бердяева, это разделение творчества на внутриличностное, под которым философ понимает самосовершенствование, и

внешнее, продукты которого непосредственно получают материальное воплощение.

К внутриличностному творчеству можно отнести весь широкий спектр направлений духовного развития личности, культивирование положительных качеств. Любую другую деятельность, направленную на преобразование окружающего мира, то есть научное и художественное творчество, следует причислить к внешнему творчеству.

Анализируя осмысление Н.А. Бердяевым этического аспекта реализации таланта, прежде всего, следует заметить, что понятие «талант» философ трактует с богословских позиций: «Богом дан человеку творческий дар, талант, гений и дан мир, в котором и через который должен совершаться творческий акт. От Бога исходит зов, чтобы человек совершил творческий акт, осуществил свое призвание, и Бог ждет ответа на свой зов»¹⁵⁸.

Далее философ пишет о том, что каждый обладает талантом, каждый призван к творческому служению согласно специфике своего дара. Понять мысль Н.А. Бердяева можно, только если рассматривать под творческим даром внутреннее стремление личности к самосовершенствованию, к тому, чтобы стать гениальной личностью в плоскости максимального развития душевных качеств.

Другими словами, талант, которым наделен каждый, представляет собой наличие возможности преобразовать свой внутренний мир, то есть этот талант должен проявиться в виде стремления к самосовершенствованию¹⁵⁹.

Талантливая личность, таким образом, не обязательно предстает великим творцом в сфере науки или искусства. Гениальность имеет вектором своей направленности именно духовную сферу, а не материальное воплощение, «гениальность должна быть отнесена к внутреннему творчеству, а не к внешней реализации творчества в продуктах» – пишет Н.А. Бердяев¹⁶⁰.

---

¹⁵⁸ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1931. – С. 119.

¹⁵⁹ Слепцова А.О. Методология изучения этической составляющей таланта личности / А.О. Слепцова// Социально-экономические явления и процессы. 2012. – №5-6. – 0,6 п.л. – С.233- 239.

¹⁶⁰ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1931. – С.120.

Такие этические категории, как добро, любовь, вера, надежда, самоотверженность, свобода, честь, могут характеризоваться как гениальные, если субъект, развивая их, доводит до абсолюта. Другими словами, личность может быть гениально доброй, гениально любящей и гениально самоотверженной, но при этом не имеющей свершений в науке или искусстве. «Святому может быть присуща гениальность в самотворчестве, в превращении себя в совершенную, просиянную тварь, хотя никаких продуктов он может и не создавать» – пишет Н.А. Бердяев¹⁶¹. По Н.А. Бердяеву, святой, таким образом, устремлен к первоисточнику, к Богу.

Таким образом, Н.А. Бердяев понимает творчество как нравственное развитие личности, как проявление творца, как преодоление тварности. Из чего следует, что воплощение таланта в творчестве данного вида, носит не просто нравственный характер, нравственность здесь – это продукт духовного роста как творческого процесса. Поэтому целесообразно утверждать, что, по Н.А. Бердяеву, только талантливая в нравственном отношении натура может быть творцом самой себя.

Логично, что Н.А. Бердяев, допускает существование «злого творчества», как деятельности, которая порождает нечто качественно новое в науке или искусстве, но не способствует нравственному совершенствованию. «Злое творчество» – это результат искажения таланта греховной природой человека, результат проявления тварности.

Н.А. Бердяев замечает, что изначально творческий гений ни за что дается человеку, этот дар никак не связан с нравственным устремлением достигнуть совершенства и преобразить себя. Это обстоятельство, по Н.А. Бердяеву, доказывает, что творчество как внешняя реализация таланта, не всегда нравственно – «в этике творчества может раскрыться новый конфликт между творчеством совершенных культурных ценностей и творчеством совершенной человеческой личности»¹⁶².

---

¹⁶¹ Там же, – С.121.

¹⁶² Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1931. – С.122.

Следует заметить, что согласно Н.А. Бердяеву традиционной христианской морали чужда «творческая мораль», поэтому он анализирует феномен творчества в контексте собственной религиозно-философской системы. Философ исключительно с критических позиций оценивает христианскую святоотеческую мораль по отношению к реализации внутриличностного таланта: «Мораль эта проникнута пафосом малых дел и скромных положений, она боится дел больших, героических, окрыленных. Бескрылость возведена почти в ранг религиозного подвига. Санкционируется маленький моральный профессионализм. Пусть каждый скромно сидит на своем месте и терпеливо делает свое маленькое дело»¹⁶³.

Самосовершенствование как продуцирование нравственности, по Н.А. Бердяеву, есть единственный путь к Богу. Именно в нравственном поиске, в глубоко индивидуалистическом осмыслении бытия проявляется серафическая природа человека: «высшая задача человека – творчество новой жизни. Творчество новой жизни проходит через тайну индивидуальности. Творческая мораль не есть исполнение закона, она есть откровение человека»¹⁶⁴. Философ настаивает на том, что только смелость взвалить на себя моральную ответственность за свои мысли и дела и довериться божественному импульсу созидания, делает человека человеком. В бердяевском прочтении христианства, долг человека – нравственно эволюционируя, преобразовывать нравственную реальность: «Кто живет в вечном ужасе от собственного греха, тот бессилён что-нибудь сделать в мире»¹⁶⁵.

Согласно Н.А. Бердяеву каждый человеческий индивидуум не только в праве, но и в долге стремится к сотворчеству с Богом в построении более совершенного бытия. Талант к созиданию нравственности есть имманентная характеристика человека в целом, нет человека, лишённого способности к самосовершенствованию.

---

¹⁶³Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 462.

¹⁶⁴Там же, – С. 471.

¹⁶⁵Там же, – С.464.

Однако при этом «истинное творчество не может быть торжеством индивидуализма, творчество всегда переходит грани индивидуальности, оно церковно по существу, оно есть общение с душой мира»¹⁶⁶. В этом вопросе для Н.А. Бердяева характерен антропоцентрический мистицизм: «Человек не дробная часть вселенной, не осколок ее, а целая малая вселенная, включающая в себя все качества вселенной большой, отпечатлевающаяся на ней и на себе ее отпечатлевающая», – пишет философ¹⁶⁷.

Таким образом, по Н.А. Бердяеву, Бог в человеке проявляет Себя через творческий импульс, через потребность созидать новую реальность. Тварность человеческая это данность, серафическая природа же это не знающее посюсторонних границ созидание.

Изучение природы таланта созидания нравственных ценностей занимает значительное место в мистико-философском наследии австрийского религиозного мыслителя Рудольфа Штейнера. Однако в отличие от Н.А. Бердяева, Р. Штейнер исключает эгалитарность таланта созидания нравственных ценностей.

Р. Штейнер выявляет следующие компоненты этого специфического таланта, названного им моральной деятельностью: способность к постижению моральных идей или интуиция, моральная фантазия и способность изменять структуру мира восприятий, не разрывая его природно-закономерной связи, или моральная техника. Целесообразно остановиться на том, что по Р. Штейнеру, «люди различаются между собой по способности к интуиции» и «нравственно продуктивными являются, собственно говоря, только люди, обладающие моральной фантазией», то есть моральная деятельность имманентно не присуща человеку. Лишь моральной технике «можно научиться в том смысле, как можно научиться науке вообще»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989., – С.228.

¹⁶⁷Там же, – С.299.

¹⁶⁸Штейнер, Р. Философия свобода/ Р. Штейнер // Библиотека Максима Мошкова, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/URIKOVA/STEINER/freedom.txt>

Таким образом, наличие двух компонентов из трех, составляющих возможность моральной деятельности, есть исключительный случай для человека вообще.

Как и Н.А. Бердяев Р. Штейнер постулирует творческую природу нравственности, видя в ней закономерное завершение человеческого развития: «Природа освобождает человека от своих оков на известной стадии его развития, общество доводит это развитие до следующего пункта; завершить себя человек может только сам» и «конечной целью индивидуума может быть не облагораживание отдельного душевного состояния, а развитие всех дремлющих в нас способностей». По Р. Штейнеру, личность, дошедшая до определенной ступени развития, становится способной к продуцированию нравственных ценностей. Другими словами, для того чтобы заниматься моральной деятельностью нужно обладать всеми ее компонентами, обеспечив этим определенный уровень духовного развития.

Продолжил поиски пересечения «гносиса» и «этоса» в религиозно-философском ключе современный российский ученый В.Н. Назаров. Талант созидания нравственных ценностей В.Н. Назаров именуется мудростью, которая есть «универсальный, целостный язык духовной культуры, выражающий собой единство истины и блага, знания и любви, гармонию сердца и разума, жизненное воплощение идеи и идеальное преображение жизни»¹⁶⁹.

Мудрость это талант к созиданию социально значимых нравственных ценностей, как такой уровень развития индивидуального сознания, при котором оно приобретает надындивидуальный смысл: «мудрость – это такая форма духа, которая утрачивает смысл в отрыве от самого субъекта духовного творчества, от личности мудреца и его жизненного пути» – пишет В.Н. Назаров¹⁷⁰.

Кроме того, В.Н. Назаров исключает независимое от творчества бытование мудрости, видя в ней «нравственное творчество», «сутью которого является

---

¹⁶⁹ Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры: Нравственно-философское исследование.– Тула, 1993. – С.3

¹⁷⁰ Там же, С.6

процесс воплощения идеи в жизни, творение новых форм нравственного бытия личности»¹⁷¹.

Понимание мудрости как творчества жизни – лейтмотив религиозно-философской концепции В.Н. Назарова. Исключительно уникально-личностное самосозидание, приведшее к сосуществованию «гносиса» и «этоса» порождает феномен мудрости.

Рассмотренные религиозно-философские доктрины утверждают этическую ценность индивидуальности человека. Именно единичная личность содержит в себе импульс к качественному развитию, никогда коллективный разум не будет способен шагнуть за пределы этики удобства, обеспечивающей минимальный нравственный порядок для выживания большинства. Творчество жизни как созидание нравственных ценностей, как безграничное самосовершенствование – процесс исключительно индивидуальный, но при этом социально значимый. Личность, мировоззрение которой ценно для всего социума, это всегда индивидуум за пределами общедоступных знаний о мире и человеке. «Духовное преображение человека может быть осуществлено только в процессе нравственного творчества жизни, произрастающего из внутреннего переживания истины бытия» – пишет В.Н. Назаров¹⁷².

Эта истина бытия недостижима для всех, кроме этого единственного индивидуума, однако даже созерцание этой истины сторонним наблюдателем убеждает его в том, что законы, по которым она существует, выше общечеловеческих.

Понимание того, что есть добро и что есть зло, есть основа любой нравственной нормы. Это понимание сложилось в результате исторического развития социума. На протяжении всей человеческой истории происходила фиксация правил, соблюдение которых обеспечивало стабильное существование общества. Сформированный необходимый минимум понятий, образовал

---

¹⁷¹ Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры: Нравственно-философское исследование.– Тула, 1993. – С.16-17.

¹⁷² Там же, – С.4.

нравственную парадигму, которая в результате социализации утверждается в сознании индивидуумов.

В этом контексте созидание нравственных ценностей есть расширение границ понимания действительности, детализация и усложнение ее отражения в сознании человека. Детерминированность сознания бытием обуславливает различные метаморфозы в светской или религиозной этике.

В XVIII веке этот материалистический постулат, сформулировал эмпирист Д. Юм: «нравственное обязательство основывается на обязательстве естественном и поэтому должно прекратиться тогда, когда прекращается это последнее...»¹⁷³. Таким образом, нравственные понятия всегда исторически обусловлены, жестко привязаны к контексту времени и места.

Однако исключительность созидания нравственных ценностей проявляется и в этом аспекте. Если опять же обратиться к наследию Н.А. Бердяева, то согласно философу созидатель нравственных ценностей, всегда в той или иной степени асоциален, лишен «тяготы и бремени общности этого мира», отречен «от той безопасности и устроенности, которые даются ветхой общностью мира сего»¹⁷⁴. Сам процесс созидания – это «восстание качественно восходящей индивидуальности против духа срединно-общего»¹⁷⁵. Личностное понимание здесь противопоставляется выработанному веками общественному, ориентированному на бытие усредненной личности.

Хотя личность творца и формировалась в определенном пространственно-временном континууме, он свободен настолько насколько смог аккумулировать достигнутое и продвигаться вперед. Его понимание реальности вышло за пределы чувственного познания, он стал выстраивать систему ценностей без опоры на непосредственные данные об окружающем мире.

Утверждение Д. Юма о том, что «...правила морали не являются заключениями нашего разума»¹⁷⁶, поскольку «... мы скорее чувствуем

---

¹⁷³Юм Д. Сочинения в двух томах. – М., 1996. – С. 591.

¹⁷⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М., 1989. – С. 482.

¹⁷⁵Там же, – С.470.

¹⁷⁶Юм Д. Сочинения в двух томах. – М., 1996. – С. 499.

нравственность, чем судим о ней»¹⁷⁷ правомерно до того момента, когда присутствует внешний источник морального суждения. В случае же созидания нравственных понятий как выведения абсолютно нового знания, путем обнаружении неизвестных ранее причинно-следственных связей, следует говорить, что правило морали стало заключением разума. В этом и заключается талант созидания нравственных ценностей, субъект не нуждается в непосредственном доказательстве своей правоты в реальности, домыслив на ментальном уровне новое в понимании морального добра и морального зла. Это новое становится той идеей, которую творец и претворяет в доступной ему сфере – собственном бытии.

Таким образом, талант созидания нравственных ценностей является уникальным умением воплощать в жизнь личностную иерархию ценностей, игнорируя законы человеческого социума и собственной социобиологической природы.

Выводы по II главе

1. Личностная нравственность характеризуется этико-философской антиномичностью, которая есть следствие диалектического характера онтогенеза талантливой личности.
2. Нравственные ценности детерминированы совокупностью культурных, социальных, экономических характеристик конкретного социума, вследствие чего не являются абсолютными. Само появление нравственности объясняется реализацией коллективного инстинкта самосохранения. Нравственность возникла с появлением человеческого общества, имея своей целью обеспечение его стабильного существования.
3. Степень моральной ответственности индивида зависит от того, насколько одарен и развит данный субъект. Талант является своего рода отягчающим обстоятельством при этической рефлексии его деятельности. Бесспорен

---

¹⁷⁷Юм Д. Сочинения в двух томах. – М., 1996., – С. 511.

факт того, что чем талантливее личность, тем больше у нее возможностей преобразовывать окружающий мир и тем, соответственно, выше мера её ответственности.

4. Талант как характеристика, подразумевающая наличие и реализацию большего интеллектуально-духовного потенциала, не исключает так называемого человеческого фактора, поэтому можно говорить о совместимости таланта и нравственного несовершенства. В истории мировой культуры немало примеров парадоксального сочетания в контексте творчества талантливой личности гуманистических устремлений и безнравственной реализации.
5. Творчество – это путь к свободе духа, а талант – средство, осуществляющее это движение. Реализация творческого потенциала личности является выходом человека на новый уровень, на котором реализуется имманентная потребность личности в свободе. Реализация таланта – это единственный путь обретения свободы духа доступный личности.
6. Личность использует творчество для утверждения наличия своего человеческого «Я». Чем талантливее личность, тем сильнее эта потребность выражения и самобытнее человеческое «Я». Поэтому талантливая личность может полностью погрузиться в мир научного или художественного творчества, что явно демонстрирует наличие эскапизма. В этом случае творчество становится делом всей жизни, все остальные сферы уходят на второй план.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование выбранного объекта – талантливой личности – позволило заключить, что интеллект, фантазия, смелость, воля и серендипность в масштабе одной личности представляют собой тот минимум, который достаточен для утверждения наличия таланта.

Именно совокупность этих интеллектуально-эмоциональных компонентов гарантирует социальную значимость научного или художественного достижения личности. Сложность структуры талантливой личности, неоднозначность и противоречивость проявлений одаренности, позволили говорить только об одном критерии наличия таланта – социальной значимости достижения.

Появление самого понятия «талант» исторически обусловлено. Этап исторического развития, характеризующийся локализацией интересов каждого индивидуума вокруг интересов первобытного социума, при отсутствии разделения труда был периодом, когда «таланта» не было. Автором произведения наскальной живописи мог стать любой член первобытного племени.

С усложнением общества творчество приобретает социальную значимость и профессионализируется. Так появляется понятие таланта, когда становится очевидным факт неравенства людей по качественному уровню способности созидать. Отсюда следует, что критерием наличия таланта является социальная значимость достижения. Творческая деятельность одновременно является результатом и процессом социальной эволюции.

При этом творчество носит личностный характер, только непосредственный субъект творчества социально настолько эволюционировал, что смог продуцировать важное, но недостижимое для остальных представителей социума. Среднестатистический представитель социума, выступая реципиентом, не может встать на один уровень с творцом, не пройдя весь процесс развития. Поэтому можно говорить о том, что достижения гениальной личности лишь частично наследуются социумом, не подлежат передаче ни духовный опыт, ни индивидуальные технологии творчества. Таким образом, творчество как активный

эволюционный процесс, предстает таковым лишь для его субъекта. Но при этом процесс онтогенеза талантливой личности нельзя совсем отчуждать от социума, только человеческое общество является единственно возможной средой формирования личности.

Талантливая личность, обладая возможностями, качественно превышающими среднестатистические, детерминирована моралью не больше любого другого члена социума. Наличие таланта не обеспечивает высоких моральных принципов, поскольку вообще не существует абсолютной нравственности, индивидуальная этика относительна. Любая деятельность оценивается самим субъектом как безусловно положительная, вариации заключаются лишь в допущениях, так нарушитель закона в безусловно положительном стремлении реализовать собственные права допускает нарушение прав другого. Таким образом, изначально любая деятельность квалифицируется как положительная, однако различное понимание категории «добро», вплоть до полярного истолкования, делает возможным существование такого социально невыгодного феномена как «зло».

Существование этических парадоксов, возможное в контексте талантливой личности, объясняется относительностью этики вообще, и индивидуальной морали в частности. Человеческий фактор как уязвимость личности по отношению к социуму, зависимость от него и необходимость соответствовать ему в интересах социобиологического выживания в нравственном плане ставит талантливую личность на один уровень с любым среднестатистическим представителем социума. Данное положение отражает основную суть концепции этической составляющей таланта, которая, существенно развив теоретическое представление о рассматриваемом предмете, обеспечила достижение цели данного диссертационного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова, К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды / К.А. Абульханова. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: Издательство НПО МОДЭК, 1999. – 224 с.
2. Адлер, А. Наука жить. – Киев, Port-Royal, 1997. – 33 с.
3. Айзенк, Г.-Ю. Интеллект: новый взгляд / Г.-Ю. Айзенк // Вопросы психологии. – 1995. – №1. – С.111.
4. Акройд, П. Тернер Биография / П. Акройд, [пер. с англ. Э.Д. Меленевской]. – М.: Ко Либри, 2012. – 224 с.
5. Александрова, Ю.В. Методики диагностики отношений взрослого человека: роли, позиции, нравственная сущность: Методическое пособие / Ю.В. Александрова. – М.: МОДЭК, МПСИ, 2001. – 96 с.
6. Ананьев, Б.Г. Задачи психологии искусства. Художественное творчество: сборник / Б.Г. Ананьев. – Л.: Искусство, 1982. – 748 с.
7. Андреев, М.Л. Инновация или реставрация: казус Возрождения / М.Л. Андреев // Вестник истории, литературы, искусства. – 2005. – Т. I. – С. 84-97.
8. Аникин, А.Е. О литературных истоках «ребяческих» тем в поэзии Анны Ахматовой / А.Е. Аникин // Русская речь. – № 1. – С.23-28.
9. Антисери, Д., Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта/ Д. Антисери, Дж. Реале, [перевод с итал., ред. С.А. Мальцевой]. – СПб: Пневма, 2002. – 880 с.
10. Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества, [под ред. Фролова Э.Д.]. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. – 168 с.
11. Анцыферова, Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии / Л.И. Анцыферова. – М.: ИП РАН, 2006. – 512 с.

12. Анцыферова, Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С. 3-19.
13. Апель, К.-О. Дискурс и ответственность: проблема перехода к постконвенциональной морали / К.-О. Апель [пер. с нем. В. Куплина]. – Киев: Дух и литера, 2009. - 430 с.
14. Арган, Д.К. Современное искусство 1770-1970 / Дж.К. Арган, [перевод с итал. Г.П. Смирнова]. – М.: Искусство, 1999. – 755 с.
15. Арган, Д.К. История Итальянского искусства: Высокое Возрождение. Барокко. Искусство XVII века и искусство XIX-начала XX века / Дж.К. Арган, [перевод с итал. Г.П. Смирнова]. – М.: Радуга, 1990. – 238 с.
16. Арсеньева, Е. Обитатели разных планет (Пабло Пикассо – Ольга Хохлова) [Электронный ресурс] / Е. Арсеньева. – М.: 2005. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=31768&p=6>.
17. Баксанский, О.Е. Аксиологическая революция З. Фрейда [Электронный ресурс] / О.Е. Баксанский. – М.: 2010. – Режим доступа: http://utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=925:2010-07-06-05-40-18&catid=68:2010-07-06-05-20-38&Itemid=200.
18. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт, [переводы с фр.]. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
19. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
20. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 423 с.
21. Белов, В.А. Образ науки в ее ценностном измерении. Новосибирск, 1995. – 265 с.
22. Беляев, И.А. Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека/ И.А. Беляев // Вестник ОГУ. – 2010. – №10. – С.58.
23. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 415 с.

24. Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон, [пер. с фр., послесловие, примечания А.Б. Гофмана]. – М.: КДУ, 2010. –288 с.
25. Бергсон, А. Творческая эволюция, материя и память / А. Бергсон. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
26. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского/ Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 1991. Ч. 2 – С. 26-148.
27. Бердяев, Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев // Путь. – 1931. – №29. – С.318
28. Бердяев, Н.А. О назначении человека /Н.А. Бердяев. – Париж: Современные записки, 1931. – 320 с.
29. Бердяев, Н.А. Три юбилея (Л. Толстой, Ген. Ибсен, Н. Федоров) /Н.А. Бердяев // Путь. – 1994. – № 11. – С. 210-217.
30. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества/ Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
31. Бернаскони, Е. Зигмунд Фрейд, исследователь душ: Лицо века / Е. Бернаскони // Эхо планеты –1998. – №6. – С. 24-25.
32. Бехтерева, Н.П. Зашифровано природой, разгадано человеком / Н.П. Бехтерева //Наука и жизнь – 1976. – № 9. – С. 98-106.
33. Бехтерева, Н.П. Новое в изучении мозга человека / Н.П. Бехтерева // Коммунист – 1975. – № 13. – С. 115-124.
34. Бехтерева, Н.П. Материальные физиологические основы эмоциональной и мыслительной деятельности / Н.П. Бехтерева. – Л.: НИИЭМ, 1989. – 159 с.
35. Библия. В.З. Екклесиаст, глава 1, стих 18, [пер. Славянский библейский фонд]. – СПб.: 1997. – 159 с.
36. Бовуар, С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: / С. де. Бовуар, [пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой]. – М.: Прогресс, СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
37. Богемская, К.Г. Клод Моне / К.Г. Богемская. – М.: Искусство, 1984. – 143 с.

38. Богоявленская, Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества / Д.Б. Богоявленская. – Ростов-на-Дону.: 1993. – 191 с.
39. Богоявленская, Д.Б. Психологические основы интеллектуальной активности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Богоявленская Диана Борисовна. – М., 1988. – 43 с.
40. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
41. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
42. Борейко, В.Е. Философы дикой природы и природоохраны / В.Е. Борейко // Охрана дикой природы. – К. – Вып.39 – 2004. – 160с.
43. Брагина, Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков / Л.М. Брагина. – М.: Высшая школа, 1977. – 254 с.
44. Бреслав, Г.М. Эмоциональные особенности формирования личностивдетстве: Норма и отклонения / Г.М. Бреслав. – М.: Педагогика, 1990. – 144 с.
45. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1971. – 413 с.
46. Бруно Дж., Бэкон. Локк. Лейбниц. Монтескье: биогр. повествования, [сост. и общ.ред. Н.Ф. Болдырева]. – Челябинск.: Урал, 1996.– 421 с.
47. Брушлинский, А.В. Психология мышления и проблемное обучение / А.В. Брушлинский. – М.: Знание, 1983. – 96 с.
48. Бунге, М. Интуиция и наука / М. Бунге. – М.: Прогресс, 1967. – 188 с.
49. Бусова, Н.А. К.-О. Апель об этике дискурса как этике ответственности / Н.А. Бусова // Вестник Харьковского национального университета им.В.Н. Каразина. – 2011. – № 43. – С. 23–30.
50. Бычко, И.В., Жариков, Е.С. Научный поиск. Логика научного исследования / И.В. Бычко, Е.С. Жариков. – М.: Наука, 1965. – 226 с.
51. Вавилова, Е.Ю. Диалектика добра и зла: социально-философский аспект / Е.Ю. Вавилова // Известия Российского государственного педагогического

- университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 60. – С.52-55.
52. Вавилова, Е.Ю. Зло в философии теоцентризма/ Е.Ю. Вавилова // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Приложение. – 2008. – № 1. – С. 67-69.
53. Вазари, Д. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, [пер. с итал., ред. и вступ. слово А. Дживелегова, А. Эфроса]. / Д. Вазари. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.
54. Валуева, Е., Иванова, О., Овсянникова, В. Социальные аспекты интеллекта и одаренности [Электронный ресурс] / Е. Валуева, О. Иванова, В. Овсянникова // Психологическая газета Мы и мир. – 2004. – № 7. – Режим доступа: http://creativity.ipras.ru/texts/vio_art_conf04.html.
55. Варава, В.В. Неведомый Бог философии / В.В. Варава. – М.: Летний сад, 2013. – 256 с.
56. Вейнинггер, О. Пол и характер / О. Вейнинггер. – М.: Латард, 1997. – 358 с.
57. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
58. Вильданов, Х.С. Аксиологическая эпистемология/ Х.С. Вильданов. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2009. – 374 с.
59. Винер, Н. Мое отношение к кибернетике. Ее прошлое и будущее / Н. Винер. – М.: Советское радио, 1969. – 24 с.
60. Власть и художественная интеллигенция // Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953, [под ред. А.Н. Яковлева]. – М.: Демократия, 1999. – 872 с.
61. Вудвортс, Р. Экспериментальная психология / Р. Вудвортс. – М.: ИИЛ, 1950. – 798 с.
62. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.5. Основы дефектологии [под ред. Т.А. Власовой]. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
63. Гегель, Г.В. Политические произведения, [под ред. Д.А. Керимов и др.]. – М.: Наука. 1978. – 439 с.

64. Гегель, Г.В. Сочинения, [пер. с нем. П. Столпнера]. – М.: Соцэкгиз. 1934. Т.VII. – 380 с.
65. Гоббс, Т. Сочинения: В 2-х томах. – Т. II. М.: Мысль, 1991. – 643 с.
66. Гоббс, Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. - 478с.
67. Гобино, Ж.А. де Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж.А. де Гобино. – М.: Одиссей, 2000. – 765 с.
68. Гомбрих, Э. История искусства [под ред. Н.А. Борисовской, пер. с англ. В.А. Крючкова, М.И. Майская]. – М.: Трилистник, 1998. – 680 с.
69. Гомер Одиссея [пер. с древнегреч. В. Жуковского]. – М.: Художественная литература, 1981. – 407 с.
70. Гончаренко, Н.В. Гений в искусстве и науке / Н.В. Гончаренко. – М.: Искусство, 1991. – 432 с.
71. Гончаренко, Н.В. Диалектика прогресса и культуры / Н.В. Гончаренко. – Киев: Наукова думка, 1987. – 400 с.
72. Гринблатт, С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: От Мора до Шекспира [пер. с англ. Г. Дашевского]. // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 35. – С. 34-78.
73. Громов, Е.С. Природа художественного творчества / Е.С. Громов. – М.: Просвещение, 1986. – 237 с.
74. Гулыга, А. Гегель. – М.: Молодая гвардия, 2008. - 281 с.
75. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 384 с.
76. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М.: ЭКСМО, 2005. – 512 с.
77. Гурова, Л.Л. Воображение / Л.Л. Гурова // БСЭ. –1971. – Т. V. – С. 35.
78. Гусейнов, А.А. Античная этика / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2004.– 272 с.
79. Гусейнов А.А., Иррлитц Г. Краткая история этики / А.А. Гусейнов, Г. Иррлитц // Библиотека Гумер культурология, [Электронный ресурс]. –

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Gus_Etika/29.php.

80. Гусейнов, А.А. Об идее абсолютной морали / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – М. – №3. – 2003. – С.3-12.
81. Дадун, Р. Фрейд [пер. с фр. Д.Т. Федорова]. – М.: Х.Г.С, 1994. – 512 с.
82. Демьянков, В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка [под ред. В.Н. Топорова]. // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. – М., 2005. – С. 55.
83. Диденко, Б. Хищное творчество: этические отношения искусства к действительности / Б. Диденко. – М.: ФЭРИ-В, 2000. – 96с.
84. Донн, Дж. Поединок со смертью / Дж. Донн // Звезда. – 1999.– №9. – С. 40.
85. Дробницкий, О.Г. Моральная философия [сост. Р.Г. Апресян]. – М.: Гардарики, 2002, – 523с.
86. Дуганов, Р.В. Велимир Хлебников: природа творчества / Р.В. Дуганов. – М.: Советский писатель, 1990. – 352 с.
87. Душкова, З.В. Личность и среда обитания в условиях современного мира // Традиция и Культура: Материалы Международной Научной конференции. – Киев: 2008. – С. 6-7.
88. Дягилев, Ф.М. Из истории физики и её творцов / Ф.М. Дягилев. – М.: Просвещение, 1986. – 255 с.
89. Ермолаев И.А. Значение философии Анри Бергсона для развития современной философской мысли // Философия и культура. – 2011. – №3 – С.110.
90. Жилкина, Н.В. Феномен экстремальности в творчестве: культурологический аспект: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук: 24.00.01/ Жилкина Наталия Владимировна. – Тамбов, 2000. – 17 с.
91. Замечательные учёные [под ред. С.П. Капица]. – М.: Наука, 1980. – 192 с.
92. Зинченко, В.П., Моргунова Е.Б. Человек развивающийся / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунова. – М.: Тривола, 1994. – 304 с.

93. Зыкова, А.Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета. Критический очерк / А.Б. Зыкова. – М.: Наука, 1978. – 160 с.
94. Иванченко, Г.В. Понятие метапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы / Г.В. Иванченко // Психология: журнал Высшей школы экономики. – № 3. – 2008. – С. 105-122.
95. Ильенков, Э.О воображении / Э. Ильенков // Народное образование. – 1968. – №3. – С.35.
96. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.
97. Иофанов, Д.И. Н.В. Гоголь / Д.И. Иофанов. – Киев: АН УССР, 1951. – 194 с.
98. История философии. Энциклопедия [сост. А.А. Грицанов]. – Мн.: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
99. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли [под ред. М.Ф. Овсянникова]. – М.: Академия художеств СССР, 1962. – Т. I. – 682 с.
100. Калущая, И.Н., Поддьяков, А.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок / И.Н. Калущая, А.Н. Поддьяков // Культурно-историческая психология. – 2007. – №4. – С. 78-90.
101. Кампанелла, Т. Город Солнца [под общ. ред. В.П.Волгина]. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. . – 229 с.
102. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство /А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415с.
103. Кант, И. Сочинения в 6-ти томах [под ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И.Ойзермана]. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4., Ч.1., – 544 с.
104. Кант, И. Сочинения в 6-ти томах [под ред. А.В. Гулыги]. – М.: Чоро, 1994. – Т. 2., – 429 с.
105. Кантор, В. Артистическая эпоха и ее последствия / В. Кантор // Вопросы литературы. – 1997. – № 2. – С.124-165.
106. Кашин, В.В. Учение Гегеля о нравственности / В.В. Кашин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – №7. – С.29-33.

107. Книга правителя области Шан [пер. с кит., вступ. слово, коммент., послесловие Л.С. Переломова]. – М.: Ладомир, 1993. – 392 с.
108. Коган, Л.Н. Зло. – Екатеринбург: Урал, 1992. – 110 с.
109. Колесников, А.С. Проблема субъективности в археологии знания М. Фуко / А.С. Колесников // Вестник Самарского Государственного Университета. – 2004. – №2. – С.8.
110. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [пер. с фр. И. Шапиро] // Антология мировой философии. – М.: ГПИИБ, 1970. – 234 с.
111. Кун, Н.А. Мифы и легенды Древней Греции и Древнего Рима / Н.А. Кун. – М.: Учпедгиз, 1988. – 464 с.
112. Кутырев, В.А. Разум против человека / В.А. Кутырев. – М.: 1999, ЧеРо, – 230 с.
113. Кутырев, В.А. Человек в «постчеловеческом мире»: проблема выживания / В.А. Кутырев // Общественные науки. – 1989. – № 5. – С.32-36.
114. Кюри, Е. Мария Кюри [Электронный ресурс] / Е. Кюри. – 1976. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/kyuri_eva/mariya_kyuri.html#0.
115. Левада, Ю.А. Старомодность и современность Альбера Швейцера / Ю.А. Левада. – М.: Мысль, 1969. – С. 141-157.
116. Лейзерович, А. Марина Цветаева. Античная трагедия в декорациях XX века [Электронный ресурс] / А. Лейзерович. – 2001. – №18, – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2001/0828/koi/leyzefovich.htm>.
117. Литинская, Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: Автореф. ... дис. кан-та филос. наук. М., 2012. – С. 14.
118. Ломов, Б.Ф. О системной детерминации психических явлений и поведения / Б.Ф. Ломов // Принцип системности в психологических исследованиях. – М.: Наука, 1999. – С. 10.
119. Лоренц, К. Агрессия (так называемое «зло»). – СПб.: Амфора. 2001, - 349 с.

- 120.Лоренц, К. Обратная сторона зеркала [Электронный ресурс] / [под ред. В.В. Лопатина] – Электрон. дан. – М.: Библиотека Гумер – гуманитарные науки, 1998. – Режим доступа:
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lor_8/02.php свободный. – Загл. с экрана.
- 121.Лосев, А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1992. – 880 с.
- 122.Лосев, А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1998. – 750 с.
- 123.Лосев, А.Ф., Шестаков, В.П. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1965. – 374 с.
- 124.Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- 125.Лэш, К. Восстание элит и предательство демократии / К. Лэш. [пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович]. – М.: Прогресс, 2002. – 224 с.
- 126.Любимов, Л.Д. Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии [Электронный ресурс] / Л.Д. Любимов. – 1976. – Режим доступа:
<http://bibliotekar.ru/iskusstvo-europa/17.htm>.
- 127.Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Планета, 1990. – 80 с.
- 128.Мамардашвили, М.К. Формы и содержание мышления / М.К. Мамардашвили. – М.: Высшая школа, 1968. – 191 с.
- 129.Маритен, Ж. Ответственность художника / Ж. Маритен. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 98 с.
- 130.Марков, Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб.: Лань, 1997. – 384 с.
- 131.Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1955. – Т. I. – 699 с.
- 132.Матвеев, П.Е. Моральные ценности / П.Е. Матвеев // Владим. гос. ун-т. Монография. – Владимир, 2004. – 190 с.

- 133.Машинский, С. Художественный мир Гоголя / С. Машинский. – М.: Просвещение, 1971. – 432 с.
- 134.Мелешко, Е.Д. Христианская этика Л.Н. Толстого: монография / Е.Д. Мелешко. - Москва : Наука, 2006. – 308 с.
- 135.Мигдал, А.Б. Поиски истины / А.Б. Мигдал. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 239 с.
- 136.Микешина, Л.А. Детерминация естественнонаучного познания / Л.А. Микешина. – Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1977. – 104 с.
- 137.Модзалевский, Л.Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен / Л.Н. Модзалевский. – М.: Книга по требованию, 2011. – 378 с.
- 138.Моэм, С. Луна и грош / С. Моэм. – М.: АСТ, 2009. – 249 с.
- 139.Мудрость тысячелетий от А до Я. Великие мысли и афоризмы великих людей [под ред. В.Н. Зубкова]. – М.:АСТ, 2010. – 861 с.
- 140.Мялкин, А.В. Способности и потребности личности. Диалектика формирования / А.В. Мялкин. – М.: Мысль, 1983.– 260 с.
- 141.Назаров, В.Н. Феноменология мудрости: образы мудреца в истории культуры / В. Н. Назаров. - Тула: Изд-во Тул. пединститута, 1993. - 332 с.
- 142.Ницше, Ф. Воля к власти [пер. с нем. Е. Герцык и др.]. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
- 143.Ницше, Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше. – М.: Азбука, 1994. – 448 с.
- 144.Ницше, Ф. Сочинения в 2-х томах / Ф.Ницше. – М.: Мысль, 1996.– 829 с.
- 145.Ницше, Ф. Философия в трагическую эпоху / Ф. Ницше. – М.: REFL-Book, 1994. – 416 с.
- 146.Новые традиции. Коллективная монография [под ред. Е.Э. Суровой, С.А. Рассединой]. – СПб.: Петрополис, – 2009. – 372 с.
- 147.Олейников, Ю.В., Оносов, А.А. Ноосферный проект социоприродной эволюции / Ю.В. Олейников, А.А. Оносов. – М.: ИФРАН, 1999. – 210 с.
- 148.Олеша, Ю. Ни дня без строчки/ Ю. Олеша. – Мн.: БГУ, 1982. – 286 с.

- 149.Ольховский, В.С. Свобода научных исследований и ответственность учёного/ В.С. Ольховский // Человек и христианское мировоззрение. – 2001. Симферополь: – вып.6, С. 272-275.
- 150.Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – 592 с.
- 151.Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – 512 с.
- 152.Павлов, И.П. Полное собрание сочинений / И.П. Павлов. – М.: АН СССР, 1951. – 3834 с.
- 153.Петровский, А.В., Беркинблит, М.Б. Фантазия и реальность / А.В. Петровский, М.Б. Беркинблит. – М.: Политиздат, 1968. – 128 с.
- 154.Пешкова, В.Е. Феномен гения / В.Е. Пешкова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 160 с.
- 155.Писарев, Д.И. Сочинения в 4-х томах / Д.И. Писарев. – М.: Художественная литература, 1955. – 1568 с.
- 156.Поддьяков, А.Н. Психодиагностика интеллекта: выявление и подавление способностей, выявление и подавление способных / А.Н. Поддьяков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. I. – № 4. – С. 75-80.
- 157.Поддьяков, А.Н. Тест творчества – "синяя птица" психологии / А.Н. Поддьяков // Знание – сила. – 2003. – № 5. – С. 101-104.
- 158.Поддьяков, А.Н. Ты гений или просто умный? (У интеллекта и творческих способностей разная природа) / А.Н. Поддьяков // Знание – сила. – 2002. – № 9. – С. 78-81.
- 159.Познание. Общество. Развитие [ред. и сост. Д.В. Ушаков]. – М.: РАН ИП, – 1996. – 206 с.
- 160.Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
- 161.Психология индивидуального и группового субъекта [под ред. А.В. Брушлинского и др.]. – М.: ПЕР СЭ. – 2002. – 368 с.

162. Психология одаренности детей и подростков [под ред. Н.С. Лейтеса]. – М.: Академия, 1996. – 416 с.
163. Психология одаренности: от теории к практике [под ред. Д.В. Ушакова]. – М.: РАН ИП, – 1999. – 128 с.
164. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах /А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, – 1959-1962. – Т.Х. – 490 с.
165. Рибо, Т. Болезни личности; Опыт исследования творческого воображения / Т. Рибо. – М.: Харвест, – 2002. – 784 с.
166. Розет, И.М. Некоторые закономерности эвристической деятельности, выявленные на семантическом материале / И.М. Розет // Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов СССР. – М.: 1968. – Том I. – С. 253-254.
167. Розет, И.М. Процесс припоминания и его место в явлениях памяти: автореф. канд. дис. ...к-та психол. наук: 13.00.00 / Розет Исаак Моисеевич. – М., 1963. – 25 с.
168. Розет, И.М. Психологические основы вероятностной концепции припоминания / И.М. Розет // XVIII Международный психологический конгресс: тезисы сообщений. Проблемы общей психологии. – М.: Просвещение, 1966. – Том II. – С. 280-281.
169. Розет, И.М. Психология фантазии: Экспериментально-теоретическое исследование внутренней закономерностей продуктивной умственной деятельности / И.М. Розет. – Мн.: Университетское, – 1991. – 196 с.
170. Розет, И.М. Что надо знать о памяти / И.М. Розет // Народная асвета. – № 5. – 1968. – 72 с.
171. Розет, И.М. Что такое эвристика / И.М. Розет // Народная асвета. – № 2. – 1970. – С.92-93.
172. Роллан, Р. Жизнь Бетховена. Жизнь Микеланджело. Жизнь Толстого / Р. Роллан // Собр. соч. Жизни великих людей. – М.: Гослитиздат, 1986. – С. 336.

- 173.Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
- 174.Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо, [пер. с франц. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова]. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.
- 175.Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж.Руссо. – М.: Наука, 1969. – 765 с.
- 176.Савельев, С.В. Происхождение мозга / С.В. Савельев. – М.: Веди, 2005. – 368 с.
- 177.Санто, Б. Сила инновационного саморазвития / Б. Санто // Инновация. –№2. – 2004. – С. 6.
- 178.Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто // От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997. – 276 с.
- 179.Сафонова, С.В. Взаимоотношения личностных особенностей, типов креативности и предпочтения определенного вида творческой деятельности / С.В. Сафонова // Интеллект и творчество: Сб. науч. тр. – М.:1999. – С. 90-105.
- 180.Сервантес, Мигель де Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский [пер. с исп. Н. Любимова]. – М.:Астрель, 1979. – 1168 с.
- 181.Сергеев, Б.Ф. Стать гением: От инстинкта к разуму / Б.Ф. Сергеев. – Л.: Лениздат, 1991. – 220 с.
- 182.Симонов, П.В. Мозг и творчество / П.В. Симонов //Мозг и разум. – М.: Наука, 1994. – С.75-90.
- 183.Симонов, П.В. Мотивированный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1987. – 271 с.
- 184.Синицын, Е., Синицына, О. Тайна творчества гениев / Е. Синицын, О. Синицына. – Новосибирск: НГАХА, 2004. – 527 с.
- 185.Скрипник, К. Моральное зло в истории этики и культуры / К. Скрипник. – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.

186. Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли [под ред. И.А. Седакова, Т.В. Цивьян]. – М.: Индрик, 2003. – 472 с.
187. Слепцова А.О. Методология изучения этической составляющей таланта личности / А.О. Слепцова // Социально-экономические явления и процессы. 2012. – №5-6. – 0,6 п.л. – С.233- 239.
188. Слепцова А.О. Творчество как воплощение мечты / А.О. Слепцова // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – №9. – 0,4 п.л. – С.247-252.
189. Слепцова А.О. Фантазия как внеэтическое поле творческой деятельности / А.О. Слепцова, Н.В. Жилкина // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2012. – №1. – 0,4 п.л. (авт. текст – 0,3 п.л.). – С.32- 36.
190. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – СПб.: Литер, 2006. – 589 с.
191. Степанов, С. Дар трех принцев / С. Степанов // Школьный психолог, [Электронный ресурс]. – № 6. – 2006. – Режим доступа: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=2006>.
192. Степун, Ф. Встречи и размышления. London, 1992, Overseas Publications Interchange Ltd, – 287 с.
193. Стоун, И. Джек Лондон / И. Стоун. – М.: АСТ, 2009. – 193 с.
194. Стрельцова, Г.Я. Блез Паскаль / Г.Я. Стрельцова. – М.: Мысль, 1979 – 237 с.
195. Суриков, В.И. Письма. Воспоминания о художнике / В.И. Суриков. – Л.: Искусство, 1977. – 584 с.
196. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби, [пер. с англ. Е.Жарков]. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.
197. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений в 90-та томах / Л.Н. Толстой. – М.: ГИХЛ, – 1928-1958. – Т. XXIII. – 418 с.
198. Уитби, Б. Искусственный интеллект: реальна ли Матрица/ Б. Уитби. – М.: Фаир-пресс, 2004. – 224 с.

199. Ухтомский, А.А. Интуиция совести / А.А. Ухтомский // Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – 528 с.
200. Ушаков, Д.В. Социальное мышление: рефлексивность, рациональность, понятийные структуры / Д.В. Ушаков // Познание. Общество. Развитие. – М.: РАН ИП, 1996. – С. 40-53.
201. Ушаков, Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория / Д.В. Ушаков. – М.: РАН ИП, 2003. – 263 с.
202. Ушаков, Д.В. Мышление / Д.В. Ушаков, [под ред. В.Н. Дружинина и др.] // Когнитивная психология. – М.: Пер Сэ, 2002. – С. 171-240.
203. Ушаков, Д.В. Одаренность, творчество, интуиция / Д.В. Ушаков, [под ред. Д.Б. Богоявленской] // Основные современные концепции творчества и одаренности. – М.: РАН ИП, 1997. – С. 78-89.
204. Ушаков, Д.В. Психология одаренности и проблема субъекта / Д.В. Ушаков, [под ред. А.В. Брушлинского и др.] // Проблема субъекта в психологической науке. – М.: Академический проект, 2000. – С. 212-226.
205. Ушаков, Д.В. Социальный интеллект и его измерение / Д.В. Ушаков, [под ред. Д.В. Люсина др.] // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. – М.: РАН ИП, 2004. – С. 141-160.
206. Ушаков, Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта / Д.В. Ушаков, [под ред. Д.В. Люсина др.] // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. – М.: РАН ИП, 2004. – С. 11-28.
207. Ушаков, Д.В. Творчество и «дарвиновский» способ его описания / Д.В. Ушаков, // Психологический журнал. – М.: РАН ИП, – №3. – 2000. – Том XX. – С. 103-110.
208. Ушаков, Д.В. Чувство логической необходимости и психологические механизмы мышления / Д.В. Ушаков // XI Международная конференция Логика, методология, философия науки. – М. – Обнинск: РАН ИП, 1995. – Том IV. – С. 176-179.
209. Фадеев, А.А. Предсмертное письмо Фадеева в ЦК КПСС / А.А. Фадеев // Известия ЦК КПСС. – № 10. – 1990. – С. 147-151.

210. Фатеев, С.В. Воображение как фактор продуктивности деятельности: док. дис. ...д-ра психол. наук: 19.00.01 / Фатеев Сергей Валентинович. – Новосибирск, 1996. – 289 с.
211. Фёдоров, Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Фёдоров. – М.: Мысль, 1982. – 709 с.
212. Ферсман, А.Е. Константин Эдуардович Циолковский / А.Е.Ферсман // Техника-молодежи. – М. – №3. – 1963. – С. 8-9.
213. Филиппов, А.Ф. Актуальность философии Гоббса / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. – 2009. – №3. – С.104.
214. Флиер, А.Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза / А.Я. Флиер // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение, [Электронный ресурс]. – №4, – 2012. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/.
215. Фрейд, З. Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях / З. Фрейд // Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 194-210.
216. Фрейд, З. О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа / З. Фрейд. – СПб.: Алетейя, 1998. – 224с.
217. Фрейд, З. Психоанализ и теория сексуальности / З. Фрейд. – М.: Харвест, 1998. – 448 с.
218. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд, [сост., авт. вступ. ст. А.М. Руткевича]. – М.: Ренессанс, 1991. – 296 с.
219. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. – Минск: Беларусь, 1991. – 606 с.
220. Фрейд, З. Психология бессознательного: сб. произведений / З.Фрейд, [сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский]. – М., 1990. – 448 с.
221. Фрейд, З. Психология сна / З. Фрейд. // Психоанализ. – СПб.: Сталкер, 1999. – С. 398-429.
222. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд, [пер. с нем. Я. Коган]. – М.: Эксмо, 2013. – 544 с.

- 223.Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд, [пер. с нем. А. Боковой]. – М.: Камар, 1991. – 448 с.
- 224.Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд, [пер. с нем.М.В. Вульфа]. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 256 с.
- 225.Фрейд, З. Художник и фантазирование / З. Фрейд. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
- 226.Фрейд, З. Я и Оно: труды разных лет в 2 книгах / З.Фрейд. Тбилиси: Мерания, 1991. – Кн. 1. – 398 с.; Кн. 2. – 428 с.
- 227.Фридман, Э.П. Занимательная приматология / Э.П. Фридман. – М.: Знание, 1985. – 192 с.
- 228.Фролов, И.Т. Введение в философию / И.Т. Фролов. – М.: Республика, 2003. – 623 с.
- 229.Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм, [пер. с англ. Э. Телятниковой]. – М.:АСТ, 2007. – 624 с.
- 230.Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм, [пер. с англ. А. Лактионова]. – М.: АСТ, 2009. – 284 с.
- 231.Фромм, Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Э. Фромм. – М.: Аст,2000. – 448 с.
- 232.Фромм, Э. Душа человека, ее способность к добру и злу / Э. Фромм, [пер. с англ. В.А. Закса]. – М.:АСТ, 2010. – 256 с.
- 233.Фромм, Э.Человек для самого себя / Э. Фромм, [пер. с англ. Э. Спировой]. – М.: АСТ, 2008. – 349 с.
- 234.Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас [пер. с нем., ред. Д.В. Складнева]. – СПб.: Наука, 2000. – 739 с.
- 235.Хейзинга, Йохан. Осень Средневековья / Й. Хейзинга, [сост., предисл. и пер. с нидерл. Д.В. Сильверстова]. – М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
- 236.Холодная, М.А. Психологические механизмы интеллектуальной одарённости / М.А. Холодная. // Вопросы психологии. – М. – №1. – 1993. – С. 32-39.

- 237.Холодная, М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
- 238.Человек и искусство [под ред. Т.Б. Любимовой]. – М.: ИФ РАН, 1998. – 152 с.
- 239.Чугунов, Г. Боярыня Морозова / Г. Чугунов // Юный художник. – М. – №1. – 1983. – С. 38-43.
- 240.Шадриков, В.Д. Деятельность и способности / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 1996. – 320 с.
- 241.Шадриков, В.Д. Духовные способности / В.Д. Шадриков. – М.: Магистр, 1996. – 102 с.
- 242.Шварц-Салант, Н. Нарциссизм и трансформация личности /Н. Шварц-Салант. – М.: Класс, 2007. – 296 с.
- 243.Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер, [пер. с нем. Н. Захарченко, Г. Колшанского]. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
- 244.Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер, [пер. с нем. Н. Захарченко, Г. Колшанского]. – М.: Прогресс, 1973. – 344 с.
- 245.Шелер, М. Ordo amoris / М. Шелер // Цифровая библиотека по философии, [Электронный ресурс], – 2005. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000166/index.shtml>.
- 246.Шеллинг, Ф.В. Философия искусства / Ф.В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
- 247.Шопенгауэр, А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр. – Мн.: Попурри, 1999. – 832 с.
- 248.Шопенгауэр, А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т.1. Критика кантовской философии. – М.: Наука, 1993.– Т.1. – 672 с.
- 249.Шопенгауэр, А.Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5: / [под ред. и пер. с нем. А. Чанышева]. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2001. - 528 с.
- 250.Штейнер, Р. Философия свобода/ Р. Штейнер // Библиотека Максима Мошкова, [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.lib.ru/URIKOVA/STEINER/freedom.txt>

- 251.Шумилин, А.Т. Проблемы теории творчеств / А.Т. Шумилин. – М.: Высшая школа, 1989. – 144 с.
- 252.Шумилин, А.Т. Талант и творческий потенциал общества / А.Т. Шумилин // Историзм и творчество, Ч. 1. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 224-227.
- 253.Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1953. – 23 с.
- 254.Эпштейн, М. Совместимы ли гений и добродетель? [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. – 2014. – №1, Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2014/1/11e.html>.
- 255.Эпштейн, Р.И. Творчество в контексте исторических типов общественных связей / Р.И. Эпштейн // Историзм и творчество. – М. – ч. I. – 1990. – С.215-218.
- 256.Эфрос, А.М. Поэзия Микеланджело. [Электронный ресурс] / А.М. Эфрос. – 2010-2014. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/mikelandgelo_bonarroti/poeziya_mikelandgelo_v_perevode.
- 257.Юнг, К.Г. Проблемы души нашего времени / К.Г. Юнг. – М.: Прогресс, 1993. – 336 с.
- 258.Юнг, К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации / К.Г. Юнг. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
- 259.Юм, Д. Сочинения в двух томах/ Д. Юм [перевод с англ. С.И. Церетели и др.]. – М.: Мысль, 1996. – 733 с.
- 260.Якимович, А.К. Художник и дворец. Диего Веласкес / А.К. Якимович. – М.: Советский художник, 1989. – 270 с.
- 261.Яковлев, Е.Г. Проблемы художественного творчества /Е.Г. Яковлев. – М.: Высшая школа, 1972. – 70 с.
- 262.Ятченко, А.Д. Творчество и развитие / А.Д. Ятченко // Историзм и творчество. Ч. II. – М. – 1990. – С.27-29.
- 263.Apel K.-O., Ist die Ethik der idealen Kommunikationsgemeinschaft eine Utopie? // Voßkamp W. (Hrsg.) Utopieforschung, Bd. 1, Stuttgart, 1983, С. 325-35

264. Bhattacharyya H. Indian Ethics // The Cultural Heritage of India. Vol. III. The Philosophies / Ed. H. Bhattacharyya. Calcutta, 1953. P. 620-623.
265. Christopher Lasch, Culture of Narcissism, New York: Warner Books, 1979 P. 29-30.
266. Human Nature: Justice versus Power, опубликовано в: Elders F. (ed.). Reflexive Water: The Basic Concerns of Mankind. London: Souvenir Press, 1974.
267. Leitch V. Deconstructive criticism: An advanced introd. -- L. etc., 1983.
268. Rosemont H. Notes from the Confucian Perspective: Which Human Acts Are Moral Acts? - N.Y., 1976. - N 1. P. 60-61.
269. Schweitzer A. Aus meinem Leben und Denken. Hamburg, 1975.
270. Welch L. Ideational reorganization of ideas in creative and noncreative thinking // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 91. Art. 1. N. Y., 1960.